

Елена Александр
Асеева

Коло Жизни Бесперечь

Том первый

Елена Александровна Асеева
Коло Жизни. Бесперечь. Том первый

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12192272
ISBN 9785447428891*

Аннотация

Прошли века. Изменились традиции, утрачены верования, но сами земляне все еще помнят имена братьев-близнецов, Творцов Першего и Небо. И хотя Боги уже не живут среди людей, не влияют на их жизни, тем не менее, продолжают присматривать за Землей. Продолжают присматривать, потому как ожидают новой жизни юного божества, Крушеца.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	27
Глава шестая	37
Глава седьмая	44
Глава восьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Коло Жизни. Бесперечь
Том первый
Елена Александровна Асеева

*Посвящаю моему старшему сыну Григорию,
источнику научных догадок этой части книги.*

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

И боль в голове не проходила...

То, что я увидела, пережила благодаря ей, не вызвало желание пойти к врачу. Она точно велела... точно толкала меня к тому, чтоб притерпеться, обвычусь, сплотиться с ней. Ибо постичь испытанное, пройденное, познанное вероятно можно лишь через боль. Только болью, страданиями, потерями укрепляется твоя суть... естество и впитывая в себя теплые лучи солнца под порывистым секущим ветром, вроде набрякает от собственной мощи хлещущих по тебе ударов судьбы.

Теперь по утрам боль в голове казалась и вовсе нестерпимой. И если я наклоняла голову, напрягала мышцы живота, она немедля усиливалась. И еще меня начинало тошнить, а порой и рвать. Коли почитать всякие научные статьи, это были первые признаки... первые симптомы рака... рака мозга. Однако я почему-то не боялась ни самой болезни... ни самой боли.

Я давно уже подметила зримую разницу меж мной и живущими подле меня людьми, не только близкими, но и далекими.

Их желание жить насущным и мое лишь духовным...

Их желание взять, иметь, приобрести... И мое насладиться дыханием божественной природы, дуновением ветра, колыханием листвы, течением ленивой реки или падением далекой бело-стылой звезды в недоступном и единожды родном мне космическом пространстве... не черном, как думают люди, а вспять многоцветном.

Я давно уже поняла, что не могу, не умею, не хочу жить потому графику и закону, кое прописало человеческое общество. Что ощущаю иное и по-иному чувствую людское бытие... Ни только в целом общества, но и в отдельности его каждого члена... каждой живой, хрупкой и малой личности... крохи... капельки затерянной, где-то в селе, городе, государстве, континенте... а может и в целой Галактике.

Потому и не имело, видимо, смысла идти к врачам. Так как чувствовалось, желалось разобраться в том, что я видела... А вместе с увиденным, пропущенным, и увы! уже спаянным с тобой жаждалось познать новое, что накатывало вроде морской волны, захватывало в силки и требовало потерпеть и с тем узнать ответ на тревожащий меня все время взросления, становления как человека, вопрос- кто я? или лишь, что я?

Глава первая

По дороге укрытой плотными ровными каменными плитами, встык подогнанными друг к другу так, что нечасто меж ними можно было узреть трещинку, а еще реже выбивающуюся тонкую травинку или пучок их, медленно шла высокая, миловидная женщина со светло-коричневой кожей. Это была женщина рожденная в семье болдырей, где один из родителей значился белым, а другой черным. Достаточно молодая женщина несла в себе, как черты одного народа, так и иного. У нее были удлиненные в сравнение с телом конечности. Выступающими вперед челюсти, где почитай не просматривалось подбородочного выступа, что в целом придавало чертам лица островатый угол. Широкий, плоский нос, толстые губы и крупные карие очи, отличали характерные признаки темного народа, отпрысков Господа Першого. Однаже, от ветви белой расы Небо у женщины осталась и довольно-таки светлая кожа и светло-русые, длинные, слегка выющиеся волосы, ноне плетеные в косу. Обряженная в короткий, чуть ниже колен сарафан из темно-синей, легкой материи сшитый сразу из нескольких полотнищ ткани, и напоминающий своим видом высокую юбку на лямках, одеваемую через голову, пришивные бретели на груди каковой были обшиты белой тесьмой под цвет льняной рубаше с короткими до локтя и единой ширистыми рукавами. Обута женщина, или как ее величали Эйу, была в крепиды, где к подошве пришитые тонкие кожаные бортики, удерживались на ноге при помощи ремешков крест-накрест охватывающих ступню до щиколотки.

Эйу шла уже несколько дней. Порой она останавливалась, обидчиво оглядывалась назад так, точно оставила позади себя, что-то весьма ей дорогое, утирала влажный нос и погода туго вздохнув, продолжала свой путь. Изредка она заглядывала в разбросанные по дороге небольшие поселения, спрашивая работу аль затем, чтоб войти в деревянный трактир и задержаться там на ночь.

Вмале того, несомненно, долгого пути и безрезультатных поисков пред Эйу живописалась развилка дороги. Одна из менее значимых ездовых полос уходила вправо, где за раскинувшимися полями, окруженными полосами зеленых нив, похоже схороненных от порывистых ветров, на покато возвышении наблюдалась барская усадьба, в оной молодая женщина, возможно, сумела бы найти работу кухарки, а значит и столь надобный ей приют.

Эйу остановившись обок той развилки, раздумывала совсем чуть-чуть... Она еще раз оглянулась назад, вроде соизмеряя оставленное после себя расстояние и надрывисто вздохнув, свернула на дорогу, ведущую к усадьбе. Спустя какое-то время миновав небольшую деревеньку, с размещенными в ней не более двадцатью-тридцатью дворами, Эйу подошла к барскому дому огороженному невысоким штакетником собранным из тонких деревянных брусков окрашенных в зеленый цвет, как оно было принято у дарицев, многочисленного белого народа расселенного на одном из континентов, ноне величаемого Дари.

Широкий прямоугольный дом, расположенный за городьбой был каменным, сверху при том оштукатурен и покрашен таким образом, что просматривалась какая-то мелкозернистость на стенах, словно их чем обсыпали. Мягкий, изумрудный тон стен придавал в целом дому утопающему в низкорослых деревьях, растущих по правую и левую от него сторону, уют и теплоту. Два широких окна с полупрозрачными стеклами, поместились обок двухстворчатой двери, искусно расписанной цветами и плетущимися растениями, к проему коей вели махонистые каменные ступени, где гладкость крапленого камня поражала своей ровностью.

Эйу неспешно подошла к поскрипывающей на петлях резной деревянной калитке и легкохонько толкнув ее вперед, вошла в широкий двор, где пред домом лежали разнооб-

разные по форме и цвету клумбы. И с тем, не мешкая, направилась по ровной каменной дорожке к дому, даже не приметив сидящих подле одной из садовых грядок, поместившейся вблизи от забора, двух женщин. Одну молодую, красивую, худенькую с пшеничными волосами, убранными в ракушку, белокожую и с лучисто-голубыми очами, обряженную также, как Эйу, в сарафан на лямках только зеленый и желтую рубаху. И другую... уже пожилую, вельми полноватую, если не молвить грузную, невысокую. Седые волосы этой женщины были долгими и также убраны в ракушку. На яйцевидном лице смотрелась массивность нижней челюсти, вогнутым был нос, плоским лоб и крупными, серые, очи. Одета несколько богаче, что, как можно догадаться, свидетельствовало о ее более значимом статусе. Поясная юбка, старшей женщины, шитая из семи полотнищ красного полосатого сукна собранная во множество складок, а потому придающая ее обладателю большую пышность, по краю дола была обшита полосой ажурных кружев. Белая шелковая рубаха с длинными рукавами и отложным воротником, также дивно украшенная вышивкой, соединялась с юбкой широким золотистым поясом. У пожилой барыни в мочках ушей висели крупные золотые серьги с янтарными камнями и небольшие перстни с тем же янтарем украшали сразу три пальца на левой руке.

– Кого ты тут ищешь? – послышался низкий, отдающий хрипотцой голос барыни, окликнувший идущую к дверям дома Эйу.

Женщина мгновенно остановилась, и, развернувшись к пожилой хозяйке, низко ей поклонилась.

– Госпожа, – начала было она.

– Нет, нет, – торопливо перебила ее хозяйка усадьбы. – Барыня Доляна, я не госпожа.

Эйу немедля поправившись, еще ниже склонила голову и своим высоким и единожды мягким голосом молвила:

– Очень приятно барыня Доляна... Я Эйу – кухарка, ищу работу. Вам не нужна кухарка? Я весьма хорошо готовлю. Могу работать в саду, в доме.

– Нет, мне не нужна кухарка, – перебивая женщину, отозвалась барыня и качнула грузной, как и все тело, головой, поместившейся на низкой, точно приземистой шее.

– Я могу работать так... не за плату, за приют, – голос Эйу тягостно дрогнул, а из глаз тотчас побежали ручьями слезы, и стало сразу видно, что она уже обессилена поисками приюта.

– О, да ты только не плачь деточка, – ласково протянула барыня, и, отряхнув друг об дружку ладони, смахнув с них остатки почвы, неспешно направилась к стоящей женщине. – Откуда ты?

– Я с града Лесные Поляны, – отозвалась Эйу. – Там работала у госпожи Собины и ее сына господина Благорода. Пять лет работала. Делала все по дому, стирала, убирала, поколь была моложе, а последние три лето кухарила. Прежняя кухарка обучила меня своему мастерству.

– А чего ж ты ушла тогда с Лесных Полян? – пожимая плечами, спросила барыня, меж тем неспешно подойдя и поравнявшись с женщиной, торопко утирающей очи, и с участием воззрилась на нее.

– Не могла оставаться в том граде... не могла, – пролепетала Эйу и еще горестней заплакала, и, вторя тем всхлипам, надрывисто стали трястись ее плечи и ниже клонится голова.

– Ну, ладно, ладно деточка, не плачь, – по-доброму произнесла барыня, и, протянув к женщине руку, провела по ее светло-русые волосы. – Оставайся, ежели не куда податься. Но платить мне тебе не чем. У меня небольшие земельные наделы, как ты могла заметить. И на них работает не так много нанятых сермяжников, мимо их домов ты проходила по дороге. Если желаешь, я могу дать кров и еду, но не более того.

– О! Барыня Доляна, благодарствую! – радостно вскрикнула Эйу, и резко выпрямившись, разком схватила руку своей благодетельницы. Да немедля припала губами к морщинистой, хотя и белой тыльной стороне длани устами. – Благодарствую! Благодарствую вам! Вы так добры! Вы только не тревожьтесь я не вориха, не лентяйка... Просто так случилось... Случилось, что мне пришлось уйти из Лесных Полян от госпожи Собины.

– Ну, будет. Будет, – благодушно молвила барыня, вероятно и сама не менее радуясь тому, что приобрела в лице этой женщины, если не служку, явственно помощницу, и махонистая улыбка расчертила ее столь широкое лицо. – Ясыня, – обернувшись, окликнула она стоящую и все время смурно оглядывающую чужачку девушку. – Поди сюда, девочка.

Ясыня, как величала ее барыня, едва слышно хмыкнула носом, тем видимо выражая недовольство аль вспять собираясь зарюмить, и сжав свои широколадонные руки в кулаки, неспешно обойдя клумбу, приблизилась к барыне. Она замерла подле последней и обдала Эйу и вовсе презрительным взглядом, будто видела пред собой улепетывающего от ее обувки черного, склизкого слизняка.

– Отведешь нашу гостью на кухню, – протянула все тем же умягченным голосом барыня, коим верно разговаривала со всеми и всегда. – Там за ширмой кушетка стоит, пускай остановиться.

– Она же болдырка, – нескрываяемо пренебрежительно дыхнула Ясыня и досадливо, вроде это касалось ее непосредственно, зыркнула на барыню. – Кто такая? Что в себе несет, кто ж знает?! Разве можно в дом брать так незнамо кого с дороги, да еще не спросив представлений? Вот же я вам, в самом деле барыня удивляюсь. Нешто можно быть такой наивной... Может она, эта самая Эйу чего худое замыслила, иль чего еще страшнее уже сделала. Да еще и самой госпоже Собине, потумуй-то и убегла. В днях за ней явится нарать, да спросит с вас барыня.

– Нет! Нет! – с горячностью в голосе дыхнула Эйу, и энергично закачала головой, все поколь удерживая руку Доляны подле своего лица, точно всяк миг, жаждая припасть к ней губами и тем самым действием выпросить себе милости. – Я ничего дурного не делала. Никогда не брала чужого, так меня мать учила... Она хоть и черная, но была вельми хорошим человеком. А отец мой белый, как и вы... Он – дариц. Просто не жил мой отец с матерью, однако устроил ее на хорошее место, к сестре госпожи Собины. А погода госпожа нас к себе забрала, ибо мать дюже славно готовила. И мы жили... служили госпоже Собине покуда мать не померла. Засим и я стала работать на госпожу.

– А, чего ж тогда ушла? – сердито поспрашала Ясыня и ее тонкие, алые губы язвительно выгнулись.

– О, барыня Доляна... барыня, – в каждом сказанном Эйу слове столько звучало мольбы. Она, наконец, выпустила руку барыни, закрыла ладонями лицо, и горько зарыдав, чуть слышно произнесла, – просто у меня была близость... Близость с сыном госпожи, господином Благородом. Всего один миг счастья и радости для меня... И тот миг... та радость теперь возродилась жизнью в моем чреве. – Теперь она и вовсе лишь слышимо шепнула, стараясь скрыть, будто от всех сразу, – я жду ребенка. Посему и ушла из Лесных Полян поколь еще не видно, и никто не знает.

– От господина? – одновременно, спросили женщины и туго вздохнув, огляделись, очевидно, и они страшились, что их разговор подслушивают.

– Да, потому и ушла, – Эйу говорила, тягостно колыхая голосом. Тело ее порывчато сотрясали рыдания и сама она покачивалась взад... вперед. – Уже два с половиной месяца. Скоро все заметят. К отцу моему идти нельзя. Он не принял тогда, а теперь и подавно, ибо у него семья есть. А госпожа Собина коли узнает... не миновать мне вязницы, ведь господину Благороду только семнадцать, а мне уже двадцать один... Да и он господин, а я... я служка, да еще и болдырка.

– Ладно не плачь, – протянула участливо барыня и шагнув впрыток к плачущей женщине крепко ее обняла. – Тебе вредно. Дитя это радость! Счастье! Мне Богиня Мать Любовь не даровала ребенка, хотя я о том всегда ее просила... не даровала внуков... вот значит на старости лет послала тебя. Ничего, ничего не происходит в жизни просто так, оно как Богиня Мать Удельница сплела для каждого из нас волоконце судьбы... Не плачь деточка. Не плачь. Ясыня проводит тебя в дом. Я живу там одна, уже десятое лето как умер мой любимый муж... Иноредь приходит ко мне Ясыня, порадовать своим присутствием и помощью. Потому и ты мне будешь в радость, коль, конечно, решишь остаться.

– Конечно останусь... с огромной радостью и благодарностью, почту за благодеяние, – откликнулась Эйу, сказав теперь многожды ровнее.

И барыня, все также поглаживая эту пришлую, неведомую и впервые виденную молодую женщину повела ее в сопровождении все еще хмурой Ясыни к себе в дом.

Глава вторая

Галактика Млечный Путь, с загнутыми по спирали четырьмя довольно ярко светящимися полосами, заполненными бесчисленным количеством звезд, каковая была создана в честь Зиждителя Дажбы и находилась в его непосредственном управлении, ноне как и дотоль, когда в Солнечную систему, на ее третью по счету, от центральной звезды, планеты впервые ступили босые стопы детворы привезенной на космическом судне-хурул, продолжала свое неспешное вращение. Земля не самая большая, но и не самая меньшая планета Солнечной системы, голубовато-зеленым шаром сияла в той безразмерной Галактике, укутанная и единожды колыхающая своими дюжими телесами в атмосфере, скрывала под тем белым покрывалом зеленые материки и голубые океаны, один из которых носил название Дари. Возле самой планеты Земля, как и многожды столетий, а точнее даже тысячелетий, назад вращались два крупных спутника Луна и Месяц. Луна обращалась вокруг Земли за девять дней, а Месяц за сорок. А посему, более крупный спутник Месяц находился на значительно удаленной орбите, чем малая Луна. Вслед за Месяцем продолжал медленно ползти, словно прилипший к нему, тот самый космический хурул, созданный когда-то младшим из Расов, Зиждителем Дажбой. Безропотно двигаясь вслед за Месяцем судно мало чем отличимое по виду и форме от дождевого червя, где сегменты тела, составляли стеклянные блоки корабля, а короткие ножки, расположенные на них, вроде щетинок ощупывали пространство вокруг себя, не имело яркости. Казалось хурул или бросили, или он погиб, уж таким померклым было его чуть зримое свечение под лучами солнца.

Дом барыни Доляны, лежал почитай в центре не самого крупного материка земного шара, чем-то напоминающего по форме яйцо. Дари поместился в середине пространства планеты проложенного меж северным полюсом и экватором, и одновременно был омываем с трех сторон тонкой полосой воды с разбросанными на ней мельчайшими пежинами островов, а также окружен береговыми линиями двух иных континентов, носящих величание Асия и Амэри, на стыке спаянных меж собой во единое, земное пространство. Предназначенные, по замыслам Дажбы, эти два крупных материка белым людям, ноне были частично заселены в основном отпрысками народов Асила, в чьи намерения также входило оказаться как можно ближе к тому месту, где вскоре объявится лучица. Четвертая сторона эллипсоидного континента Дари, своей более удлиненной частью вдавалась в голубые воды океана. Прикрытый с юго-востока вспученностями гор, преграждающими ветрам его обдувать, и похоже сберегаемый такой уникальной расположенностью Дари, ноне таил в себе и сам небольшой дом барыни, куда волей удела али собственным выбором пришла Эйу.

Низкие ступени лестницы упирались в округло выступающий порог жилища барыни Доляны. Через створчатую, деревянную дверь, украшенную по углам затейливой резьбой птиц, вошедший в дом оказывался в широких, полутемных сенцах, по углам какового располагались два высоких витиеватых в шесть свечей свещника. Внутри сенцов, в целом, как и всего дома, каменные стены были оштукатурены глиной с добавлением сена, соломы аль шерсти и окрашены. Сенцы единожды вели в кухню и залу. Направо от входной двери поместился вход в кухню. То была достаточная просторная с двумя полновесными окнами комната. Посреди которой стоял широкий стол, по обе стороны от него низкие деревянные лавки, по свободным от окон стенам пролегали полки с разнообразной посудой: мисы, утятницы, судки, масленки, соусники, тарелки, братины, кувшины. В одном из углов кухни находилась каменная печка, выводящая весь дым из себя по узкой трубе. Сама печка топилась древесным углем, лежащим в холщевом мешке подле одной из ее стен. В покатых ее недрах на пристроенном втором насесте, твореном их крепкого железа, и напоминающего видом треножник устанавливалась чугунная посуда. Печь была сложена таким образом, что тепла

почитай не давала. Оно все шло на приготовление пищи, а лишнее по отводным каналам уходило в трубу. Температуру в печи регулировали заслонками во множестве напиханных по ее округлым стенам. Одначе, даже при такой конструкции печки в кухне всегда царила духота, особлива когда готовили. Подле внутренней стены дома за невысокой ширмой находилась низкая деревянная кушетка, устланная тюфяком набитым соломой.

Вторая дверь из сенцов вводила в большую залу, где на стенах поместились три махонистых прямоугольных окна, занавешенных льняными завесами. Посреде комнаты стоял круглый стол, сверху укрытый белой расшитой по краю скатертью и два стула со спинками, на коих и сиденье, и ослон были обиты мягкой материей в цвет бежевой мебели. Обок правой угловой стены располагалась долгая широкая тахта, уже без ножек, однако убранная богатой тканью и заваленная множеством небольших подушек, всех одним размером и цветом, темно-коричневых в тон полотну самого покрывала, окрашенных стен и занавесей. По четырем углам залы стояли высокие в семь свечей свечники, напоминающие ствол изогнутого древа и витиеватую его крону, ветви.

Из этой комнаты дверь, что поместилась слева от входа, как раз в ближнем его углу, вела еще в одно помещение – ложницу, где стены были бледно-зелеными, и по одному окну находилось в каждой из них. Два высоких и единожды узких пенала стоявшие в углах хранили вещи барыни. Там также находилось два нешироких ложа, одно из которых было устлано розовым, а иное голубым бельем, как и понятно принадлежавшее барыне и ее почившему мужу. Полы во всех комнатах были деревянными и гладко-отполированными так, что всяк раз лучисто переливались, когда на них падал солнечный свет. Позадь дома барыни располагался небольшой садик, в котором тесно и попеременно росли деревья вишни, яблони справа, а слева находилась небольшая деревянная срубленная банька и сразу обок нее курятник с бродящими за ограждение десятком кур.

Ясыня, как оказалось, жила в деревеньке с отцом, матерью и тремя младшими братьями и по просьбе не столь богатой барыни иногда приходила и помогала ей по хозяйству. Конечно, лишь тогда, когда была свободна от работы в семье, поелику как таковой платы за тот труд не получала. Ее семья просто по этой причине обрабатывала самый большой и лучший надел из земли барыни.

Словом Доляна большую часть времени жила одна, вероятно, потому и оказалась так радушна с Эйу, которая согласилась работать за приют и питание. Барыня по меркам дарицев была бедной. Жила с платы на землю, которую брала с сермяжников, не имея в целом слуг и какого-никакого достатка, умудряясь с тех полученных крох в первую очередь, как и было, заведено у дарицев, оплатить оброки в казну государства. У Доляны не было детей, однако имелись многочисленные сродники коим после ее смерти и доставалась самая большая ценность – земля, выдававшаяся избранным членам общества, за определенные заслуги, на безлетное время владения.

Очевидно, нельзя не принять во внимание, что Доляна обрадовалась Эйу еще и потому, как приобретала в ее лице бесплатного помощника, не только человека скрасившего такое тягостное одиночество. И хотя Ясыня и все последующие дни, что Эйу стала проживать в доме барыни, подозрительно поглядывала в ее сторону, а вслух выражала сомнения по поводу честности пришедшей, Доляна решила прислушаться только к своим ощущениям... Ощущениям и желаниям. А желание у нее было одно оставить в доме Эйу не только как кухарку, но и как напарницу ее неспешной старости. Правда барыня потребовала пред тем и от Ясыни, и от Эйу ничего... и поколь никому не сказывать о беременности последней, вероятно, на тот случай, чтобы дитя успело возрасти в чреве матери и появится на Белый Свет.

В целом Доляна не прогадала с Эйу, понеже та оказалась не только честной, но и работающей женщиной. Потому дом барыни блестел от чистоты, на клумбах росли цветы, куры

достаточно хорошо неслись, и на столе всегда было, что покушать... И пусть та еда не была роскошной, однако всегда свежей и вкусной. Все Эйу выполняла с такой расторопностью и легкостью, что Доляна не могла ни нарадоваться той удаче, за какую отвечала младшая дочь Богини Мать Удельницы, Богиня Встреча, указавшая этой простой женщине ее дом. По доброте душевной Доляна быстро привязалась к своей кухарке, и почасту толковала с ней долгими вечерами, когда они вышивали, аль шили для будущего малыша одежку. Не раз барыня обнимала свою служку, оглаживала ее светлые, присущие одним отпрыскам Зиждителя Небо волосы, изредка даже целовала, будто по мере их совместной жизни не просто привязывалась, а испытывала нечто большее... чувство схожее с любовью.

– Как же мать твоя попала к нам на континент? – вопрошала Доляна, будучи по природе любопытной, в общем, как и все женщины, и любившая потереть косточки не только своим соседям, сермяжникам, работающим на нее, но, и, увы! родителям кухарки.

– Отец ее привез, – отвечала джуге удрученно Эйу. Она не любила вспоминать о том, что пережила когда-то, предпочитая думать о насущном, однако не могла попросить барыню не говорить о том, не по причине страха, а по причине внутреннего неудобства и благодарности. – Он моряк, бывал в Африке. Как-то встретил там мать и увез с собой, а после не стал жениться. Когда я родилась, пристроил к сестре госпожи Собины, ну, а там мы с матерью попали в господский дом. И я бы у нее так и работала... Никогда б не ушла, если бы не господин Благород, – Эйу всяк раз произносила это имя с особым трепетом, а до сих пор любила того, чьего дитя носила под сердцем.

– Я знаю... вижу, – мягко перебивала свою кухарку барыня узрев бегущие, как всегда бывало при воспоминании о Благоде, крупные слезы по ее щекам. – Слышу, как ты плачешь по ночам.

Так они и жили... неспешно... месяц за месяцем...

Месяцам оным когда-то сам Зиждитель Дажба, дал имена, в целом такие же простые как и все, что на тот момент, на заре юности землян окружало человечество. Новое лето, цветень, теплынь, ягодень, серединь, увядень, спень, дождич, отишь таковые названия хранились дарицами и поныне, как и сам континент, и многие знания, умения подаренные созданиями более близкими и нравственно-высокими чем человек.

В ягодене месяце у Эйу родилась девочка. Бабка-повитуха принявшая малышку была потрясена ее красотой, белой кожей лица и чудным цветом рыже-огненных волос. Лицом девочка пошла не в мать. Да и не только лицом, цветом волос, худостью, прозрачностью кожицы она походила на своего благородного отца, оный нес в себе гены некогда дарованные ребенку Владелины.

Когда Доляна увидела это маленькое чудо, так тотчас прикипела к нему. Словно то родилась, ну, если не ее дочка, так однозначно внучка. Потому не столько посоветовала, сколько настояла, чтобы кухарка дала ребенку имя дарицев.

– Посмотри Эйу, она безусловно будет беленькой, – убеждала барыня молодую мать, нежно поводя перстом по щеке дитя, покоящегося на ее руках. – Даже сейчас видится белоснежность ее кожи. А волосики и вовсе выющиеся, рыженькие... один-в-один как у господ. Ты дашь ей наше имя. И никто никогда не назовет ее паболдырь, будут думать она белая, дарица.

Эйу так и сделала. Так как советовала барыня. И нарекла девочку Лагода... Лагода, что значит приятная, душевная.

Лагода несмотря на уход матери, любовь барыни росла весьма болезненной девочкой, почасту хворала, потому не раз к ней призывали местного знахаря, поставленного старшим по лечению на несколько деревней в этой части местности. Как и все иные знахари, Умил был назначен и прислан в данную окрестность для знахарства и помощи местному населению из Лесных Полян. Он поселился в деревеньке, что примыкала к землям Доляны, и уже

несколько лет, как знахарствовал тут. Умил не брал за лечение деньги, понеже его проживание содержалось на распределяемые жрецами Лесных Полян векши. Знахарь жил достаточно скромно, что было прописано законами, оставленными когда-то дарицам самим Богом Седми, старшим сыном Зиждителя Небо, сотворившего не только Землю, но и в целом Солнечную систему.

– Ты, ее точно плохо кормишь, – говорил недовольно Умил, и, покачивал своей крупной головой, где короткие пшеничные волосы были плотно прилизанными, а в мочке левого уха находился голубой камушек бирюзы, свидетельствующий своим видом, что пред людьми знахарь. – Погляди, как часто меня сюда вызывает барыня Доляна. Ребенок худ, веса должного не набирает, потому и болеет. Корми лучше и коли не сосет твою пустую грудь, прикармливай.

При тех разговорах, что происходили в основном в кухне, всегда присутствовала барыня, и, слушая негодование знахаря, совала ему в руки небольшой сверток с едой, единственное, что иноредь разрешалось тому брать в благодарность от людей. Впрочем, Умил еще довольно-таки молодой мужчина, крепкий сложением и высокий, отрицательно качал головой, сверток клал на стол и уходил. И три женщины, Эйу, Доляна и Ясыня, объединенные одним желанием вскормить и взлелеять маханькую с молочно-белой кожей и темно-серыми, большущими глазищами Лагоду старались прикармливать, теплым коровьем молоком, густыми пошеничными кашами, куды для сласти добавляли дюже дорогого и купленного в соседнем селе меда.

Лагода потихонечку, несмотря на хворьбу, росла, но так и не набирала должного, как считал Умил веса. В отличие от деревенских девочек, сверстниц, она была худенькой и единжды хрупкой, хотя при этом вельми высокой. У девочки к трем годам явственно живописалось каплеобразное личико, имеющее самое широкое место в районе скул и сужающееся на высоком лбу и округлом подбородке. На том личике находился с выпуклой спинкой и острым концом нос, широкий рот с полными губами и приподнятыми уголками, изогнутые, слегка вздернутые вверх рыжие бровки, густые, загнутые реснички, да крупные глаза, где верхние веки, образовывая прямую линию, прикрывали часть радужной ярко-зеленой оболочки. Цвет долгих волос Лагоды был не просто рыжим, а каким-то лучисто-оранжевым. Вьющиеся, можно молвить даже, мелкие кучеряшки влас, очевидно, были взяты девочкой от ее черных предков. Впрочем, цвет таковой белой кожи и ярко-рыжих волос среди дарицев считался первым признаком благородства крови, род которого господа вели от самого Бога Огня.

К трем годам, несмотря на особую любознательность, вечное познание этого мира... и не только мурашков, бегающих по земле, цветов растущих в клумбах, мягкости и тона человеческой кожи, Лагода так и не научилась говорить. Точно ей, столь занятой разглядыванием неба, как голубого, дневного, так и темно-марного, ночного было не до тех мелочей, как разговор с себе подобными. Лагода, несомненно, сказывала отдельные слова, в том числе хоть и невнятно свое имя, иначе, поколь не научилась говорить их большую часть, не умела складывать отдельные выражения.

Доляна не чаявшая души в девочке... Годе... Ладе, как они ее величали, предоставила девчужке для сна ложе в своей ложнице, сама покупала на торжище в соседних более крупных деревнях нарядные рубашонки. По первому узрев весьма явственное сходство меж ребенком и господами, что владели титулом боляринов Лесных Полян. А следовательно управляли центральной частью Дари, разделенной на семь крупных волостей со своим войском, прописанными законами и определенным особо почитаемым Зиждителем, имеющем в главном граде выстроенное в честь него капище, Доляна решила, что оно, это самое сходство с господами, поможет в жизни Лагоде. И на протяжении всех трех лет младенчества девочки не раз толковала о том с ее матерью, убеждая ее в мале отвезти, этак лет через пять,

и показать дитя господину Благороду. Отцу, оный к тому времени станет взрослым и сможет принять Лагоду да помочь в ее воспитание.

Впрочем, со временем Доляна так привязалась к рыжеволосой, все время щебечущей на своем языке, почасту задумчивой девчухе, что стала бояться того самого в чем когда-то убеждала ее мать. Эйу, меж тем, осознавала, что возвращение ее к господам, с уже подросшей, красавицей дочерью, непременно, поможет даровать лучшей удел Лагоде. Оно как Благород был вельми чистым и хорошим юношей, их близость происходила по обоюдному согласию... И это Эйу потом испугавшись того, что об их связи станет известно его матери Собине, отказалась от трепетных чувств господина.

Глава третья

– Ну, что, опять кашель и хрипы в бронхах, – сердито дыхнул знахарь Умил, осмотрев пред тем сидящую на ложе девочку и прощупав ей пульс, нежно улыбнулся, укрыв ножки легким шерстяным одеяльцем. – Вы, что нарочно ее студите, не пойму?

– Да, что вы знахарь Умил, – встревожено проронила Эйу.

Барыня и кухарка находились в спальне Доляны, присев пред осмотром на узкую, усталую ковром лавку, поставленную недалеко от ложа девочки, и беспокойно взирали на знахаря.

– Ее надобно отвезти в Лесные Поляны и показать старшему знахарю, моему учителю Радею Видящему, – смурно оглядывая своими блекло-серыми очами замерших женщин молвил, поднявшись с ложа, Умил. – Он осмотрит ребенка и посоветует, как укрепить его здоровье, ибо все эти бесконечные кашли приведут к слабости легких. Только поездку в Лесные Поляны отложим пока, – задумчиво произнес знахарь, оглаживая лишенный растительности подбородок, еще одна характерная черта принадлежности к жреческой касте, коим было предписано бриться в память об их учителях. – Ноне недалеко от Лесных Полян выявлена степная лихорадка, и уже определено несколько смертельных случаев от нее. И в самом граде, да прилежащих к нему территориям объявлена Нахожая, а значит, коль вы понимаете, выставлены ряды нарати и воинов. Так, что теперь надо дожидаться, когда Нахожую снимут и отправляться в Лесные Поляны... Я тогда Эйу поясню тебе, как найти в граде моего учителя Радея Видящего.

– Хорошо, – одновременно, отозвались обе женщины.

Умил еще раз ласково оглядел девочку, коя подхватив на руки, принялась укачивать куклу с деревянной головой и тряпишными руками, ногами, туловищем, да медлительной поступью направился вон из спальни. Вслед за ним поднявшись, торопливо поспешила барыня, что-то выпрашивая о Лесных Полянах и его наставнике Радее Видящем. Лишь комнату покинули Доляна и знахарь, Эйу немедля вскочив с лавки, поспешила к ложу. Она резво подхватила на руки свое любимое чадо и принялась, покачивая ее вправо... влево, нежно целовать в распущенные, как было принято у детей дарицев, волосики, удерживаемые широкой матерчатой опояской на лбу.

– Ты, знаешь Эйу, – молвила немного погодя возвернувшаяся барыня, и, опершись плечом о дверной проем, ласково воззрилась на мать и дитя. – А я тоже неважно себя чувствую. Вот уже который день... Голова болит, кости ломит, и ноги неизменно подкашиваются.

– Надо было знахаря Умила попросить, чтоб он вас осмотрел, – беспокойно произнесла кухарка, тотчас перестав покачивать на руках уже сомкнувшую глазки девочки. – Сбегать? Позвать поколь не ушел далече?

– Нет... не стоит, – удрученно и единожды устало протянула барыня, туго качнув головой. – Это, верно, старость, что ж сколько отмерено Богиней Удельницей лет того не изменить, не избежать. Я уже итак на четырнадцать лет пережила своего Сидора, надобно и совесть знать.

– Ох! барыня да чего ж вы такое говорите... Чего? – беспокойно проронила Эйу и порывисто прижала к груди свое дитя, вероятно, единственную доставшуюся ей в жизни драгоценность.

От таковой ретивости девочка вмиг пробудилась, приоткрыла глазки, и плаксиво всхлипнув, резко дернула зараз ножками и ручками.

– Ну, ну, чего положено Богиней того не изменить... волоконце удела оно не токмо начало имеет, но и конец, – отметила Доляна и неспешно направилась к своему ложу. – Ты ноне Эйу, Ладушку унеси к себе, а то она намереди всю ночь кашляла... И посему я глаз

не сомкнула, а тебя пожалела будить. А как наша красавица уснет, принеси мне молока теплого.

Кухарка немедля кивнула и поспешила к себе в комнату... уже почти миновав дверной проем и войдя в залу, она услышала надрывистое дыхание барыни и ее дрогнувший голос, сказавший:

– Ты, Эйу, запомни только, коль я помру, ступай в Лесные Поляны. Отцу Лагоды уже двадцать первое лето наступило, он теперь взрослый, бояринский титул принял, пушай на дочь свою посмотрит... Уж не поверю я никогда, что от такой красы откажется.

Эйу ничего не ответила Доляне, только туго вздохнула в ответ, тем, очевидно, поддерживая стенания и мысли своей хозяйки.

Наутро маленькую Лагodu, как всегда было дотоль, не подняла мать, она даже не откликнулась на ее зов. Девочка еще какое-то время крутила в руках свою тряпишную куклу, покачивая из стороны в сторону ее деревянной расписанной красками головой, а посем все же слезла с кушетки. Она медленно отвела в сторону плотную тканевую завесу скрывающую ложе от остальной части помещения, и, ступив на деревянный пол ножками, огляделась.

В недрах стоящей в углу печи пыхтел стоящий на треножнике чугунок, выпускающий вверх клубистый, серый пар. По-видимому, Эйу принялась готовить... и наверно уже давно не подходила к печи, ибо в ней не только притушилось пламя, но и по комнате разносился горьковатый дух от пригоревшей каши. В самом помещении кухни ноне не было ни матери, ни барыни, посему малость подумав Лагода неспешно направилась в залу, прижимая к груди свою куклу. Девочка отворила тяжелую, деревянную дверь и вышла в полутемные сенцы, где также как и во всем доме царил тишина... отчего слышалось тихое поскрипывание половиц при легком надавливании на них малых ножек. Самую толику Лада оглядывала столь мрачные стены сенцов, в оные свет поступал чрез приоткрытую дверь залы, и все той же медленной, пугливой поступью двинулась в центральное помещение дома. Днесь она уже не трогала дверь, а прошмыгнула сквозь щель, что оставила створка двери.

В зале, где ноне правил паморок, точно вошедший, всплывший чрез стекла от пасмурной погоды, царившей на дворе, было также тихо. На долгой широкой тахте обок правой угловой стены не имеющей ножек, и убранной темно-коричневым покрывалом да заваленной множеством небольших подушек лежала, али вернее молвить полулежала свесив вниз ноги, и вроде поддерживая себя правой рукой, Эйу. Тело кухарки чуть зримо вздрагивало, а из носа, ушей и глаз тонкими струйками сочилась алая юшка. Она залила все щеки женщины и своей аlostью наплатала ткань покрывала и подушку, на которую та опиралась головой. Со стороны чудилось, Эйу не лежала на тахте, а словно собиралась с нее подняться, иль все же свалиться.

Лагода узрев окровавленное лицо матери, испуганно сотряслась, и, прибавив шагу, в мгновение ока приблизилась к тахте. Глаза кухарки были плотно сомкнуты, а лоб, височные части, руки, шея словом то пространство кожи, куда не попала кровь, смотрелись неестественного голубо-коричневого цвета. Девочка, остановившись в шаге от тахты, сейчас уже неспешно протянула в направление матери правую руку, и дотронулась указательным перстом до лба Эйу, чуть слышно шепнув:

– Мама... мама...

Одначе, впервые на этот зов никак не откликнулась не только мать, но и вообще никто в доме. Порывчато дрогнувшими худенькими, конической формы пальчиками Лагода коснулась теперь правого глаза матери и тонкой кровавой струйки вытекающей из него, а засим нежданно сотряслась всем телом. Она внезапно туго качнулась взад... вперед, будто единой окаменела, а ноги, подкосившиеся, перестали удерживать столь малый вес, и миг спустя рухнула плашмя на пол, прямо спиной и головой мощно ударившись о его гладкую

поверхность. Веки разом сомкнулись на ее глазах, а по телу, рукам и ногам волной прошла судорога, каковая скрутила не только конечности, но и каждую жилку человеческой плоти... Засим корча также резко прекратилась, девочка надрывно дрогнув застыла, замерло не только колебание ее губ, дыхание, но и перестало биться сердце... А морг погода высокий, доступный лишь Родителю и Зиждителям, не слышимый людям, звук рассек не просто Галактику Млечный Путь, но и всю Вселенную сообщив Творцам, что Крушец... Столь неповторимый, бесценный, уникальный и долгожданный для всех Крушец подал зов, тем с кем был связан единым, общим своим Создателем.

Прошло, вероятно, совсем малое время, когда зала дома наполнилась ярчайшим, золотистым сиянием и в нем появился младший сын Бога Першего, Господь Стынь. Это был весьма высокий и мощный в плечах Зиждитель, с темно-коричневой кожей, каковая слегка светилась золотыми переливами так, будто ее подсвечивали изнутри. И сквозь тот тонкий-претонкий наружный покров проглядывали заметно проступающие оранжевые паутинные кровеносные сосуды и, кажется, вовсе ажурные нити кумачовых мышц и жилок. Удлиненные в соотношении с туловищем были конечности Бога, а покато-уплощенная голова, поросла мельчайшими, точно пушок завитками курчавых черных волос. На его овальном лице напоминающем яйцо, где область подбородка смотрелась уже, чем лоб поместился широкий, плоский нос, толстые, можно даже сказать, мясистые губы и крупные раскосые черные очи, почти не имеющие склеры. Обряженный в синюю рубаху и укороченные черные шаровары на бедрах и щиколотке собранные на резинку, ноне Стынь почитай не имел как таковых украшений. Лишь большие, оттопыренные уши Бога, по всей поверхности ушных раковин и на самих мочках, были усыпаны мельчайшими, травяно-зелеными изумрудами, и в правой, черной брови сиял крупный буро-марный берилл.

Попав в комнату, младший из печищи Димургов, торопливо в ней огляделся. Его взор вскользь прошелся по лежащей на тахте Эйу, а после остановился на окаменевшем тельце Лагоды, застывшей на полу. Стынь немедля шагнул к девочке и также резко склонившись, подняв с пола столь малое тельце, стремительно прижал к груди, вроде своей плотью прикрытой материей синей рубахи, прослушав биение жизни в нем. Он все также ретиво преклонил голову и прикоснулся губами ко лбу Лады и сам на мгновение... аль на более значимый срок, замер над тем, кто был так дорог... особенно дорог его Отцу, и обобщенно всем Димургам... всем Богам.

Вмале Стынь отвел уста от головы ребенка и испрямился. Широкая улыбка горела на его губах, золотое сияние поглотило темно-коричневую кожу, и придала единства с Расами. Он еще нежнее, трепетней обнял тело девочки, словно сокрыв в своих мощных руках, и моментально исчез горящей искрой из зала, оставив умирать Эйу от неизлечимой болезни степной лихорадки, от которой несколько часов назад умерла барыня Доляна.

Эта болезнь вот уже как пару десятилетий изводила дарицев. Случайно привезенная с другого континента она вельми скоро прижилась тут и днесь выкашивала местное население. Степная лихорадка ежели и лечилась только на ранних сроках, и то оставляя после себя неприятные осложнения на легких и печени. Само развитие болезни происходило по-разному, начиная от двух дней заканчивая неделей... и не всегда посему было ясно знахарям, что степная лихорадка уже в теле. Слабость, боли в голове и горле, сыпь, тошнота порой были лишь вторичными признаками. Изредка они и вовсе не проявлялись, иначе, внезапно поднявшаяся температура, рвота вызывали кровотечение, отказ от работы внутренних органов, и как итог мгновенную смерть.

Глава четвертая

На маковке четвертой планеты в большой четырехугольной зале с зеркальными стенами, с более низким, чем в пагоде Першего, ровным, фиолетовым сводом перемещались яркие, желтые, пухлые облака. Они медлительно покачивали своими объемистыми, рыхлыми боками, чем и придавали черному гладкому полу зыбкое мерцание, схожее с колебанием фитиля свечи. Они единожды с тем отражались особой лучистостью блекло-желтого света в зеркальных стенах и словно отпечатывались в поверхности серебристых облачных кресел, с высокими ослонами и покатыми облокотницами, со стороны казавшимися полинялыми, в оных сидели дюже довольные, широко улыбающиеся Темряй и Стынь. Еще два старших брата Димурга: Вежды и Мор, поместились вдвоем на широком серебристом без всяких пятен диване. Собранный из облаков таким образом, что вытянутые вперед ноги Димургов покоились на удлиненном лежаке, а покато-наклоненные ослоны, украшали выступающие вперед пухлые валики, диван слегка покачивал вперед... назад утомленные тела Богов.

– Надо было и братьям украсить ложе, – в объемном певучем басы Стыня, как всегда слышалась присущее ему по юности ребячество. Довольство ноне отражалось не только в улыбке, сияние кожи, но и в его порывистых движениях. – Быть может содейть в нем рыхлости иль глубокие чреваточины? Ты, как мыслишь Темряй?

– Мыслю никак, мой дорогой, – откликнулся густым басом Темряй и огладил черные усы и короткую бородку, на кончиках которой волоски, схваченные в небольшие хвосты были скреплены меж собой васильково-синими крупными сапфирами, в тон его долгому с рукавами сакхи. – Ибо пагода Отца уже состыковалась с маковкой и он, тебе, нашему бесценному малецыку, несмотря на отличительную ретивость не позволит беспокоить старших сынов.

– Нынче я заслуживаю во всем снисхождения, оно как преодолев вельми насущную боль первым пришел к нашему милому, любезному Крушецу, – отозвался явно удовлетворенный Стынь.

Сейчас Бог был обряжен в серебряную распашную рубаху, достающую до колен с укороченными до локтя рукавами, стальные шаровары просторные подле щиколотки и собранные на резинку на стане, да в черные сандалии с высокими загнутыми по стопе краями и ремнями, огибающими поверх голени штанины. Множество браслетов, колец, самоцветных камней ноне богато украшали Стыня. Так на груди его висело широкое ожерелье из огненно-малинового рубина, черного жемчуга и золотых вставок меж них. Оно опоясывало шею и спускалось по груди семью ветками на концах, которых поместились с фиолетовым оттенком крупные рубины. Также прекрасны были платиновые, золотые, серебряные браслеты с вкраплениями белого, розового и черного жемчуга на руках Бога покрывающие их от запястий до локтей столь плотно, что не просматривалось самой кожи. На больших, оттопыренных ушах Стыня по всей поверхности ушных раковин и самих мочках лицезрелись красно-фиолетовые, буро-марные со стеклянным блеском бериллы, оный также блистал в густой, прямой, черной правой брови, перед самой переносицей. На голове младшего Димурга восседал удивительный венец, где от серебряного обруча подымались, отвесно вверх, девять зубцов на концах которых поместились красно-фиолетовые, крупные, круглые рубины. Меж теми зубцами располагались девять, более низких листков трилистника, украшенные небольшими черными жемчужинами, от центра каковых отходили, устремляясь ввысь, переплетенные тонкие серебряные дуги, сходящиеся над макушкой головы и увенчанные огромным каплеобразным, голубым аквамаринном.

– Каков я... а? – продолжил Стынь точно тем выпрашивая от старших поощрения, в коем поколь весьма нуждался. – Как опередил Огня... Еще бы доли морга и все, наш милый

Крушец был бы в его руках... а так! Ну, чего молчите? – целенаправленно обратился он к старшему брату, расположившемуся как раз диагонально его креслу. – Неужели не заслужил похвалы.

– Ты, просто умница, наша бесценность, – незамедлительно отозвался Вежды, отличный от басистых младших братьев тем, что голос его звучал бархатистым баритоном, и, отворив дотоль сомкнутые очи, нежно взглянул на Стыня. – Умница, и как всегда так скор, так умел, наша драгость... Тем паче, что перенес такую боль... И ты, и наш любезный малец Темряй... Вы оба! Оба молодцы! Только я вас очень прошу, мои милые, не надобно при Отце говорить, что-либо на Огня. Вы, же знаете, как малец дорог и Отцу, и в целом нам всем.

Вежды сказывал свою речь таковым низким, вкрадчивым голосом желая поддержать и единожды собственным старшинством повлиять на поведение, мысли, поступки братьев. Темно-синее сакхи Бога по которому колыхаясьплыли дымчато-марные полосы придавало его черной с золотым отливом коже, лицу с четкими линиями, где в общем высота превосходила ширину, присущую старшим властность, при том оставаясь в силу собственной мягкости очень благодущным. Лоб старшего Димурга в сравнении с подбородком, завершающимся угловатым острием, значился более широким. На лице Вежды не имелось растительного покрова, как и у Мора, и Стыня, широким и плоским с тем был нос этого Бога, толстыми, рдяно-смаглыми губы, и крупными с приподнятыми уголками глаза, где темно-бурая радужка с вкраплениями черных мельчайших пежин, не являла как таковых зрачков. На Вежды не было украшений, как и на сидящем подле Море. Не имелось также венца, отчего ладно просматривались его короткие, вроде пушка черные волосы. Он лишь мельчайшим просом сапфиров: васильково-синего и черного цветов, усыпал поверхность ушных раковин и мочек, а также оставил проколы в надбровных дугах в виде квадратных, крупных фиолетовых аметистов.

– Согласен с Вежды... Вы оба замечательно отличились... Особенно, ты, наш драгоценный, наш любезный Стынь, – наконец вступил в толкование Мор. Его всегда звучащий высоко, с нотками драматической окраски, тенор сегодня пронесся дюже приглушенно, похоже, Господь был изможден. Потому он видимо и не отворял не то, чтобы очей, но даже и рта. – И также согласен, со старшим братом, недопустимо постоянно подначивать Огня, что особенно касается тебя, Темряй... Ты, будучи старше малецыка Стыня, подаешь ему чреватый пример. Мы все Боги едины: Димурги, Расы, Атефы. И не только Отцу, но и Небо неприятно слышать как вы оба: ты, Темряй, и Огнь друг друга шпинаете словами... Не должно, не позволительно противодействие меж Зиждителями, тем более при младших членах наших печищ.

– Огнь и сам, – тотчас откликнулся Темряй, и резко дернулись черты его грушевидного типа лица, со значимо широкой в сравнении с лбом линией подбородка и челюсти. И немедля качнулся из стороны в сторону не только длинный, мясистый нос Бога, но и чуть выступающие вперед миндалевидные глаза, где зрачок слегка удлиненный, располагался поперек темно-карих радужек порой обретающих желтый оттенок, вдаваясь в самую белую склеру. – И сам горазд подзадоривать и никогда не смолчит, точно я его раздражаю во всех своих поступках... мыслях... действиях... Точно я его, чем огорчил. Я все время ощущаю это негодование на себе. Стоит мне встретиться с Небо аль ему побывать подле Першего... Он ко мне несправедлив, относится не так как все остальные Расы, Атефы...

– Ты, еще добавь Димурги, – отметил жизнерадостный Стынь, ощущая огорчение старшего брата и стараясь его снять своим гулким смехом, наполнившим всю залу и мотнувшим в своде желтые, пухлые облака вправо-влево. – Ибо Вежды и Мор заметь, никогда брат на тебя не раздражаются... и не досадуют... Вспять всегда смолчат, хотя ты порой бываешь, непредсказуем в своих экспериментах.

Темряй сидящий справа резко дернул головой отчего качнулись его черные, курчавые до плеч волосы, и вместе с тем венец в виде широкой цепи, полностью скрывающий лоб с плотно переплетенными меж собой крупными кольцами ядренисто полыхнул лучистым серебристо-марным отливом, на морг показав на своем гладком полотне зримые тела, морды зверей, рептилий, земноводных и даже насекомых. Он также стремительно повернул голову в направлении младшего брата, нежно воззрился на сияющее лицо того, и просиял широкой улыбкой. Та же теплота проплыла и в лице старшего Димурга, и в лице Мора. Короткие курчавые волосы, которого не прикрывал нынче венец. Кожа этого Бога в отличие от иных Димургов имела светло-коричневый оттенок, который порой темнел, приобретая смугло-красноватый цвет, однако, днесь она хранила на себе какую-то дымчатость, и почитай не перемещала по своей поверхности присущего Зиждителям золотого сияния. Сама кожа, кажется, и вовсе многожды истончилась и на ней не просто проступали оранжевые паутинные кровеносные сосуды, ажурные нити кумачовых мышц и жилок, они словно лежали на ее поверхности, иногда перекатываясь туды... сюды. Уплощенное и единожды округлое лицо Мора с широкими надбровными дугами, несильно нависающими над глазами, смотрелось утомленным, а крупные раскосые очи были плотно сомкнуты. Чудилось единственное, что еще осталось живого и замечательно красивого в Боге это нос с изящно очерченными ноздрями, конец какового прямым углом нависал над широкими плотными, опять же растерявшими краски губами. Димург был обряжен в серебристое сакхи до лодыжек, с глубоким округлым вырезом, таким мятым, что наблюдались угловатые изгибы, полосы и вмятины на нем... и коли то можно применить к Зиждителю, вроде как не свежим, давно не стиранным.

– Не надобно на это мой милый Темряй, обращать внимание, – все также поучающе мягко произнес Вежды. – Я потолкую с Огнем, и Небо о твоей удрученности... Главное, чтобы ты не отзывался на подзуживание Огня, и никоим образом не проявлял своего огорчения при Отце.

Широкий обод, скрывающий лоб Темряя с плотно переплетенными меж собой крупными кольцами неожиданно пульсирующее замигал почитай серебристо-черными переливами, оные придали его коричневой коже легкую золотистую серость.

– Отец идет, – по теплому произнес Димург, и благодарно зыркнул на старшего из братьев.

Вежды немедля вскинул вверх правую руку и резким движением перст, будто выдрал с потолка залы, не имеющей как на пагоде звездных светил, кусок облака. Рыхлый дымчатый пласт, энергично выскочив из общего слоя себе подобных дюже шибутно миновав расстояние до пола, порывчато вдарился об его поверхность, вызвав при том значимый звук: «плюх» и тотчас скомковавшись, в доли секунд приобрел вид объемного, рассыпного кресла.

– Славно сработано, – перебил образовавшуюся на малость тишину Стынь и кивнул на кресло поместившееся между ложем старших и сидением Темряя. – Теперь осталось чревоочины пустить.

– Ба! – нескрываемо огорченно, вероятно его чем задела, дыхнул Темряй, и, подавшись вспять от ослона кресла оглядел полутемную залу. – Что ты содеял Вежды, такая темнедь приятна всего-навсе твоим растянутым очам.

Темряй немедля, как допрежь того старший из сынов Першего, вскинул вверх руку, устремив расставленные пальцы выпрь и свершил коловращательное движение так, что показалось еще миг и его кисть открутится в районе запястья и свалится вниз, прямо на волосы Бога. Одначе, вместе с тем мановением желтые облака проделали такое же круговое движение, и с тем многожды набрякли в объеме, миг спустя испустив из себя кучные пузыри почитай рдяного цвета, оные энергично дрогнув, лопнули и выпятили из собствен-

ных недр долгие вскосмаченные полосы янтарных паров, единожды наполнивших залу светом.

И тотчас одна из зеркальных стен пошла малой зябью и из нее выступил в своем черном сакхе, долгополом и без рукавов, подпоясанный серебристой бечевкой в тон тонкой кайме на подолу и проймае рукавов, горловины, Господь Перший, старший сын Родителя.

В отличие от своих сынов крепких и статных старший Димург был худощав, узок в плечах и талии, хотя с тем также высок. Возможно, рост Бога достигал два с половиной метра, три аршина десять вершков, или восемь футов четыре дюйма, посему и смотрелся он могучим. Цвет его кожи колебался от густо черного до почитай бледно коричневого. Она была не менее тонкой и прозрачной чем у сынов и также как у них подсвечивалась яркими переживаниями золотого сияния, под ней проступали оранжевые паутинные кровеносные сосуды, ажурные нити кумачовых мышц и жилок. Схожее с каплей лицо Господа, имело самое широкое место в районе скул и сужалось на высоком лбу и округлом подбородке, оно также смотрелось весьма осунувшимся, изможденным, а впалые щеки, и выпирающие скулы, точно сказывали о многодневной голодовке его обладателя. И все же даже при зримой утомленности Бога его нос с выпуклой спинкой и острым кончиком, широкий рот с полными губами и приподнятыми уголками, свидетельствовавшие о доброте носителя, помещались на весьма выразительном и ярком лице. Крупные глаза, где верхние веки, образовывая прямую линию, прикрывали часть радужной темно-коричневой радужки, занимающей почти все глазное яблоко и окаймленной по краю тонкой желтовато-белой склерой, смотрели весьма благодушно на окружающих его созданий. На лице также зрелись изогнутые, слегка вздернутые вверх брови, поместившиеся на крупных надбровных дугах и тонковатые морщинки две горизонтальные на лбу и по одной отходящие от уголков очей. Черные курчавые волосы, можно сказать даже плотные кучеряшки, покрывали голову Першого, а на лице, как почти и у всех иных Димургов отсутствовала борода и усы.

Высокий венец восседал на голове Зиждителя черным, с блестящей поверхностью, ободом, от которого устремлялись вверх закрученные по спирали серебряные дуги украшенные изображениями насекомых, рептилий, земноводных, зверей. Те девять спиралей в свою очередь удерживали на себе, завернутую по колу живую змею. Черная чешуйчатая кожа змеи отливала золотым светом, а крупные, круглые, насыщенно зеленого цвета очи со вниманием тарасились на происходящее окрест нее.

Перший войдя в залу с нежностью во взоре осмотрел членов своей печище, где по статусу Вежды и Стынь несли величание сынов, а Мор и Темряй братьев, иначе, были по сути и оставались только сыновьями. Взгляд старшего Димурга не просто оглядел малецыков, он прошупал их мысли, определил их состояние. Еще немного того общего отишья и Перший тронув поступь направился к ложу старших, обходя его, таким побытом, что выставленная вперед рука, медлительно теперь ощупала голову, лицо, в частности уста и очи Вежды. Засим старший Димург также нежно огладил Мора, ласково остановившись перстами на двух желтоватых, крупных пежинах пристроившихся на поверхности волос Бога, точно изменивших в тех местах их цвет, мягко заметив ему на ходу:

– Ты, плохо выглядишь малецык мой... Надобно отдохнуть, набраться сил... Так поху-дел.

Асил, как я погляжу тебя не берег совсем.

– Нет, Отец, Асил был вельми предупредителен и сам доставил меня на кумирне в Северный Венец, – отозвался Мор, и широко улыбнулся теплоте посланной Першим, однако при том так и не отворил очей.

Перший меж тем уже обошел ложе старших сынов и подступил к креслу Темряя, оный немедля поднялся на ноги и приветственно прижался к Отцу. Старший Димург нежно при-

нял сына в объятия, облобызал его очи, огладил курчавые волосы на голове, прошелся перстами по щекам и устам, и вельми благодушно молвил:

– Ну, как мой милый... как ты? Все ли благополучно?

– Да, Отец, поколь без трудностей, – не менее трепетно отозвался Темряй, и, приклонив голову, уперся лбом в плечо Першего, тем словно стараясь с ним сплотиться.

Медленно поднялся с кресла младший из Димургов, каковой по юности, особенно нуждался в теплоте Першего, и, шагнув вперед, поравнялся со стоящими членами своей печище.

– Конечно, Отец, без трудностей... тут же был я., – проронил Стынь, прижимаясь щекой к протянутой в его направлении длани Першего. – Посему было кому уничтожать творения моего старшего брата.

Стоило Першему коснуться лица Стыня, как Темряй не мешкая отступил от Отца, высвобождая место подле его груди, младшему.

– Моя бесценность, – полюбовно произнес старший Димург и торопко обхватив могучие плечи Стыня привлек к себе, заключив в заботливые объятия. – Почему, не прилетал так долго?.. – То было явственно звучащее огорчение и тревога. – Я сколько должен был присылать веления возвратиться? Ты не должен находиться вне меня так долго... это вельми может не благостно сказаться на тебе.

– Все хорошо, – малость отстраняясь от Першего ответил Стынь, позволяя тому приглубить не только волосы на висках, но и облобызать очи. – Со мной все было благополучно, я же был подле Темряя... Да и Вежды сюда два раза навещался, намерении... Да и потом, Отец, ежели бы меня тут не было, Крушец оказался ноне в руках Расов.

– Кстати, – тональность голоса Першего поигрывала... одновременно в нем ощущалась властность и беспокойство по поводу состояния младших сынов. – Вы как себя оба чувствуете? Зов Крушеца был вельми мощным.

– Несколько он нас оглушил, – несомненно, стараясь скрыть истинность, состояние своего и брата, откликнулся Темряй и положил на плечо последнего свою руку. – И на самую малость... Верно на пару-тройку бхарани, мы потерялись в пространстве. Но после обрели себя... Хотя милый малецык все это время испытывал боль.

– Темряй тоже, – обидчиво откликнулся младший Димург, и резко обернувшись недовольно зыркнул на старшего брата, будто тот рассказал Отцу то, что ему знать был недолжно. – Также до сих пор испытывает боль.

– Надобно посетить вам обоим дольную комнату пагоды, – немедля вставил Вежды и широко раскрытыми очами беспокойно оглядел фигуры младших братьев. – Как и тебе Отец... По-моему ты достаточно утомлен, словно вместе с Мором занимался построением Ледного Голеца аль весь этот срок ни разу, ни бывал в дольной комнате.

– Да, мой дорогой малецык, – согласно отозвался Перший, степенно выпуская из объятий младшего сына, и нежно огладив его правую щеку, усталой поступью направился к своему креслу. – Коль ты заговорил о дольной комнате... Хранилище пагоды полное и ожидает Мора, да наших младших малецыков... Я с тобой согласен Вежды, им троим... впрочем, как и мне надобно утишиться.

Мор самую малость отворил свои раскосые очи, уголки коих были прихвачены крупными сапфирами и оттого делали выражение лица Бога несколько удивленным, и неспешно кивнул. Поколь Перший восседал в кресло, созданное Вежды, Стынь и Темряй разместились на своих сидалищах, опершись об ослоны спинами и пристроив на облокотницы руки. Старший Димург медлительно, ибо усталость отражалась в первую очередь в его движениях, притулился спиной к ослону кресла, и легохонько приподнял ноги, отчего враз под ними образовался облачный лежак, выдвинувшийся прямо из поверхности сидения.

– А теперь о Крушеце, – с волнением в голосе молвил Перший, и, кажется, зараз посмотрел на младших сынов.

– Опять девочка, – также коротко ответил Темряй, точно давая более полную информацию мысленно. – Три года по земным меркам и она паболдырь... Почему Отец, сызнава паболдырь?

Перший широко улыбнулся и дотоль едва тлеющее под его кожей золотое сияние лучисто полыхнуло светом, раскидав те переливы вкруг Господа, придав особую яркость бледно-желтой поверхности кресла. Он неспешно огладил дланью и перстами свои очи, тем мановением, будто смыкая их, и довольно дыхнул:

– Девочка... Вероятно, будет очень хрупким Богом... Мой Крушец, такой чувствительный, нежный... Ему, несомненно, потребуются особые условия взращивания... мягкость и участие всех Зиждителей... Обаче, зов был подан так четко, даже удивительно для его возраста... Таковой целенаправленный зов лучицы начинают подавать лишь к четвертой-пятой жизни в плоти... Моя бесценная уникальность, – старший Димург каждым словом ласкала своего Крушеца и вместе с тем тембром голоса, вроде голубил кудри своих сынов так, что они малешенько колыхались. – Ну, а то, что в паболдырях наверно сбой в предписаниях Родителя, поелику отпрыски первой плоти живут на планете...

– Да, нет Отец, ты не понял, Темряя, – перебивая Першего на полуслове дыхнул Стынь и резко подался вперед, точно лелеяние Крушеца непосредственно коснулось его и он захотел стать ближе к своему Творцу. – Лучица родилась в отпрысках Владелины только в паболдырях... Случайная связь... Хотя во время беременности мать девочки проверял Керечун... Похоже и Коловерш Расов. Но лучицы в теле ребенка не было зафиксировано. Не было малецыка и после рождения в девочке. Вроде наш Крушец вселился в уже в родившегося ребенка.

– Нет, в родившегося он не мог, в предписаниях Родителях на тот счет четко прописан запрет, возможно пред родами, и Керечун того не почувствовал. Хотя таковое не просто странно, а прямо-таки непонятно, – задумчиво протянул Перший и чуть-чуть качнул головой и немедля в его венце шевельнулась черная змея. Она вдруг вздела вверх голову и вельми внимательно оглядела сидящих Богов, видимо проверяя их состояние. – Непонятно еще почему единожды в отпрысках и паболдырях. То ли так наша кроха старается быть ближе к нам... то ли это какие-то сбои кодировки... Не зря ведь малецык так болел в прошлой плоти... может, что-то нарушилось, и Кали-Даруга просмотрела... Явственно, что просрочил все сроки рождения... Такой долгий разрыв меж первой и второй плотью, что очень опасно, ибо могло закончиться весьма трагично... Абы окончательно утомившись, Крушец ослабел, и мог погибнуть... Та задержка с вселением волновала не только меня, но и Родителя, отчего Он хотел даже прислать пригляд в Млечный Путь... Надобно вmale с Родителем встретиться и потолковать об нашем малецыке... Заставь, мой любезный Стынь, бесиц-трясавиц сделать отображение лучицы, я его отвезу Ему, – повелел старший Димург и нежно воззрился на младшего сына.

Стынь немедля кивнул и ответил не менее трепетным взглядом, в каковом явственно просквозила его тоска по Отцу. Эту густую смурь почувствовали и остальные Димурги, и, похоже, желтые облака укрывающие свод, каковые начали выбрасывать из себя мощные в диаметре соломенно-желтые пузыри, напоминающие водяные, посему стало казаться дымчатые, кучные полотнища принялись вариться и кипеть.

– Ежели бы не малецык, Стынь, – молвил Темряй, данным толкованием стараясь приободрить брата и снять с него тягостное состояние тоски. – Крушец ноне был бы у Расов... Это он, наша бесценность, постарался и был так скор.

– Ты, тоже, Темряй, в том принимал не маловажную роль, – улыбаясь проронил Стынь и сиянием лица, и кожи враз снял с себя всякую смурь, а с потолка залы кипения облачных паров... Посему они туго пыхнув, вроде как замерли. – Лишь тебе удалось сразу понять, откуда подан зов. – Младший Димург теперь и вовсе поднял с облокотниц кресла руки и потер меж собой ладони, словно стараясь разогреть в них сияние. – И поставить щит...

Коли бы не ты. Ни мы вместе, я не успел бы к Крушецу... К нашему милому, дорогому малыцу. Мы с Огнем разминулись в морге. Он был очень скор, наверно слышал зов первым.

– Но, по-видимому, продремал откуда он послан, – молвил Темряй и в голосе его послышалась бравада, она в основном витала в толкованиях Стыня.

– Темряй! – строго рыкнул на младшего Мора, и на поверхность его светло-коричневой кожи махом выплеснулось рдяно-золотое сияние, судя по всему, он гневался.

– Тише... тише, мой любезный, – нежно дыхнул в сторону Мора Перший, тем дуновением снимая его негодующее сияние.

Также торопко Вежды вздев вверх руку, огладил дланью курчавые волосы брата, ласково прошелся по его щеке и устам, сим окончательно смахивая с него досаду.

– Темряй хотел сказать пропустил, – поддержал однако брата Стынь и резво поднявшись с кресла, шагнул в сторону Першего.

Он мгновенно преодолел расстояние, разделяющее их, и остановился как раз между креслом Отца и ложем на каковом сидели старшие братья, поместившись вблизи от Вежды. И тотчас оба старших Бога протянули к нему руки и огладили поверхность тыльных сторон его ладоней. А засим Перший обхватив кисть младшего сына, привлек к своим устам и полюбовно облобызал каждый перст, и днесь саму длань.

– Впрочем, Темряй видел, как Огнь врезался в его щит... Так, что будь тут один Темряй, он бы тоже продремал зов, – добавил Стынь, вероятно, своей речью стараясь оправдать разлуку с Отцом, ибо была зрима его плотная тоска по нему.

– А, что Огнь на хуруле один? – с нескрываемой тревогой в голосе поспрашал Перший, все еще поглаживая перстами руку сына, каковой слегка оперся об его кресло плечом, можно сказать даже прилег на него.

То самое мгновенное сближение весьма неоднозначно восприняла змея в венце старшего Димурга, и немедля развернув в сторону Стыня свою голову широко раззявив пасть, показала загнутые белые клыки... Миг спустя из пасти ее вылез черный раздвоенный на конце язык, каковой, достаточно, полюбовно прошелся по волосам младшего Димурга, приголубив там каждую кудерку.

– Один Отец, – уже много ровнее произнес Темряй и беспокойно зыркнул на сызнова прикрывшего очи Мора. – Дажба, как улетел вместе с Небо после смерти Владелины, не пожелав оставаться в Млечном Пути, так более, здесь и не появлялся... А Огнь находился на Земле, покуда был жив сын Владелины, после его ухода, вывез с системы гомозулей, духов и альвов, да и сам отбыл на хурул. Дивный пару раз прилетал в Млечный Путь на своем айване, пополнял хранилище хурула, да проверял меня тут... Одначе, оставшись довольным состоянием маковки, отбывал...

– Маковки и иных систем, – дополнил басисто Стынь и гулко дыхнул смехом, чем самым вызвал легкое покачивание ослона кресла Першего. – Они, все Отец с моим прибытием приобрели должное состояние. – Старший Димург ласково воззрися в лицо Темряя, черты которого зримо затрепетали, а в направление Стыня был послан вельми красноречивый взгляд, смолкнуть. – Впрочем, – мгновенно переориентируя свою речь отозвался младший Димург, он медленно выпластал руку из удерживающих ее дланей Отца, и, пристроив на его плечо, дополнил, – Огнь дюже долго сидит на хуруле и как-то безвылазно... Надобно Мору проверить, может он там мхом оброс... Абы Отец, как сказывал Темряй и видел я, ни разу, ни бывал на Земле, аль в иной системе... Точно управление Млечного Пути оставили не на него, а на Темряя и Усача... Может потому он и припозднился к нашему Крушецу...

Стынь резко смолк, и немедля, будто это было меж братьями оговорено, досказал Темряй:

– Припозднился, верно, потому, как корни перерубал.

– Прекратить! – днесь живописуя все свое негодование, гаркнул Вежды на захохотавших братьев, и глаза его враз широко разошлись, живописав темно-бурые радужки с вкраплениями черных мельчайших пежин, не содержащие внутри как таковых зрачков. – Темряй, мы о чем давеча говаривали?

– Ничего... ничего дорогой мой Вежды, – трепетно произнес Перший, нежно поглаживая лежащую на плече руку младшего сына. – Не надобно досадовать... – Ноне, иначе, гневливость старшего была отличной от Мора и не отражалась в чертах его лица, аль сияние кожи, оно как ему и не было присуще данное качество... Вежды просто молвил требование к младшим властно... авторитарно... и те немедля смолкли, хотя не прекратили довольно переглядываться меж собой, словно дышали и думали однобоко. – Ты же знаешь, мой бесценный, наши малецыки любят пошутить над Огнем... Но и Огнь тоже никогда не смолчит... И думаю, коль бы слышал их, непременно откликнулся... Посему не надобно серчать, – Перший сказал это не столько Вежды, сколько Мору лицо коего сызнава побагровело. – А, вы, мои неповторимые и вельми скорые малецыки принесите девочку... Потому как я жажду поздороваться с Крушецом... И, конечно, более подробно расскажите мне о плоти.

– Она в кувшинке Отец, – торопко протянул Стынь, ощутив легкое поощрительное похлопывание перст старшего Димурга по его руке, поколь лежащей на плече. – В руках бесиц-трясавиц.

– А, что так? – сейчас благодущие в тоне Першего сменилось на тревогу и с тем же беспокойством он зыркнул на Темряя, будто желая его прощупать.

– Сейчас все благополучно, – суетливо пояснил Темряй, и черты его лица дрогнув, враз стали серьезными... и сам он весь как-то напрягся. – Но там откуда ее принес Стынь началась эпидемия. Ее мать и те, кто заботился о девочке, умерли. Девочка и сама заболела, но так как она принимала лекарство, болезнь замедлила развитие, так сказала Трясца-не-всипуха... Она тут была давеча и так долго говорила, что утомила не только Стыня, но и меня... Благо малецык, сдержался и не испепелил ее, хотя очевидно того жаждал. – Темряй замолчал и сызнава по-доброму взглянул на младшего члена печище, и также ласково, вроде давно не зрел улыбнулся ему. – Право молвить девочка уже поправилась... Вмале бесицы-трясавицы вынут ее из кувшинки и принесут сюда, – продолжил свою речь Бог. – Хотя Отец, из долгого толкования Трясцы-не-всипухи нам стало понятно, что ребенок слаб и болезнен. Благо, что Крушец подал зов. Ибо неведомо, чем все закончилось, если бы наша кроха не откликнулась в ближайшее время... Бесицы-трясавицы произвели надобное вмешательство, подкорректировали слабые легкие, и пересадили еще несколько внутренних органов... и как всегда предложили пересадку мозга и лучицы.

– Точно, та самая пересадка, их самое наибольшее вожеление, – вставил чуть слышно и нескрываемо досадливо Стынь и неспешно испрямившись отстранился от ослона кресла Отца.

Теперь улыбнулись и остальные члены печищи Димургов, и даже казавшийся вельми суровым Мор.

– Но мы от этого предложения отказались, Отец, – дополнил свою молвь Темряй, и легонько в такт словам аль тронувшимися в своде залы малыми волнами соломенно-желтым облакам качнул назад... вперед головой, обдав лучистостью сияющего на ней венца все окрест себя. – Тебе данное действо решать, тем паче мы знали, ты скоро будешь... А теперь немного о том, откуда и кто она... наша Лагода.

Темряй коротко рассказал историю матери и рождения самой девочки, чуть-чуть коснулся в разговоре ее отца, намеренно принявшего титул болярина и женившегося, а после, отвлекшись на что-то более насущное, резко замолчал.

– Нет, смысла Отец пристраивать девочку к семье ее сродников, абы она там явно не будет надобна, – закончил за Темряя Стынь, видимо сказывая то, что было уже давно обго-

ворено братьями. – В лучшем случае они отошлют ее в приемную семью, как заведено в их среде. – Бог медлительно тронул свою поступь по залу, обходя диван-ложе Вежды и Мора позадь ослона. – Нельзя ее переносить на наш континент, к нашим отпрыскам уж больно она беленькая... Да и для нее таковое перемещение, как толковала Трясца-не-всипуха будет тягостно-напряженным... Ребенок, даже после корректировки здоровья, остается вельми хрупким, это прописано в кодах. Девочке нужны благодные условия жизни, особый уход, питание, чтоб сберечь плоть... Или уже, как предлагают бесицы-трясавицы осуществить ее полную смену.

– Нет, полную смену производить поколь опасно, – неспешно роняя слова, откликнулся Перший, неудержимо следуя глазами за младшим сыном, оный остановившись подле Вежды, положил на его плечо руки, тем самым требуя к себе внимания. – Неизвестно по какой причине Крушец так долго не вселялся... Быть может эта плоть ему предпочтительна, и той заменой мы можем нашу кроху огорчить... И как следствие порвать возникшие меж ним и девочкой связи... Однако, – старший Димург прервался и широко улыбнулся увидев, как Вежды враз вскинув вверх руку принялся голубить тыльную сторону длани Стыня пристроенную на его плечо. – Однако, ты правильно заметил мой милый малецык, девочке нужны благодные условия жизни. Потому мы несколько изменим наши первоначальные замыслы... и сделаем так.

Глава пятая

В тоже время... ведь время по сути своей понятие неопределенное, вероятно не всегда стабильное, ровное и вне всяких сомнений многогранное. Поелику в один и тот же миг для тебя аль живущего обок иного создания ступает своим ходом... Двигается неторопливым ходом для человека, едва-едва ползет для планеты... и быть может мгновенно перемещается для дождевого червя пробивающего просторы почвы или космической безбрежности.

В целом в тот сиг, когда Перший уже поправлял замыслы своей печищи, на космическом хуруле Расов, прицепившимся к спутнику Месяцу, вращающемуся вокруг планеты за сорок дней, в многоугольной комнате собрались Небо, Дивный и Огнь. В этой комнате ноне желтоватый пол был укутан серо-дымчатыми испарениями такими густыми, что утопленная в них нога, полностью скрывалась, вплоть до щиколотки. В центральной части помещения пол имел ровную поверхность, а далее плавно стыкуясь, переходил в степенно поднимающиеся наклонные панели, в свой черед упертые в вертикально-отвесные стены, также живописно, и уже без каких-либо угловатых граней сочетающихся с куполом. Одначе, ноне и панели, и стены были сомкнуты теми перьявитыми туманами, какими-то бурыми, придающими мрачность зале. Чудилось, что свет в помещение поступает лишь через одну-единственную стекловидную стену, ту самую которая показывала иную сторону космического судна, а именно раскинувшиеся дали Солнечной системы, да выглядывающие края плывущей внизу Луны и еще более отдаленной Земли, укрытой кучевыми белыми полотнищами облаков.

Таковыми же пухлыми, сероватыми, перьевыми, словно плотно напиханными и переви-
тыми меж собой, были четыре кресла стоявших полукругом в комнате и единожды повернутые в сторону стеклянной стены повдоль каковой нервно прохаживался туды... сюды Огнь, обряженный в смаглое с пурпурно струящимися по поверхности просянными искорками сакхи. За это время, кажется, Бог еще сильнее похудел, и точно вытянулся. В отличие от Димургов Огнь имел молочную кожу, в целом как и все белые Расы, с выступающим золотым сиянием, нынче правда вследствие утомленности всего-навсе малость мерцающего... вроде затухающего. Огненно-рыжие длинные волосы Зиждителя, как и дотоль, были схвачены позадь головы в конский хвост. А по лбу пролегала тончайшая золотая нить-венец, унизанная семью крупными, ромбической формы, желтыми алмазами, огибающая по коло голову.

У Огня в отличие от старших Расов и их сынов на лице не было волосяного покрова. Само лицо Бога имело четкие линии, с точно квадратным подбородком, где в целом высота лика превосходила его ширину. Тем не менее, лоб Огня значился более широким, чем подбородок, со значимо мягкими, присущими женскому роду человечества, чертами. Ажурные, дугообразные брови Боги, кажется, были нанесены ловким взмахом утонченной кисточки. Под теми рдяно-рыжими волосками располагались крупные с приподнятыми вверх уголками удивительные по цвету и форме радужной оболочки, глаза. Занимающие почти полностью все око, ромбические по виду радужки имели радужнозеленый цвет, в коем переливались, переплетаясь с зеленым, красный, оранжевый, желтый, голубой, синий и фиолетовые оттенки, полностью утаивая внутри той мешанины сам зрачок. На этом Расе почитай и не было украшений, только на его левом, указательном пальце красовался крупный серебряный перстень с семиугольным сапфиром в центре.

В двух центральных креслах восседали Небо и Дивный. Старший Рас в белом высоком сакхи, был в своем высоком венце, оный изображал миниатюрную Солнечную систему. Узкий обод по коло украшали восемь восьмилучевых звезд. Из углов этих звезд вверх устремлялись закрученные по спирали тонкие дуги, созданные из золота и украшенные

изображениями рыб всевозможных видов. Дуги сходились в наверхие, испуская из себя яркий голубой свет, в каковом подобно в Солнечной системе в центре светила светозарная, красная звезда. Она рассылала округ себя желтоватое марево, перемешивающееся с голубой пеленой, придавая местами и вовсе зеленые полутона в коем двигаясь по определенным орбитам, вращались восемь планет, третья из оных перемещала по своей глади зеленые и синие тени.

Небо имел положенный коже молочно-белый цвет, озаряемый изнутри золотистым сиянием. Она была не менее тонкой и прозрачной чем у старшего его брата Першего и также как у того, под ней проступали оранжевые паутинные кровеносные сосуды, ажурные нити кумачовых мышц и жилок. Бог был худ и высок, и имел такой же формы лицо схожее с каплей, где самое широкое место сложилось в районе скул и сужалось на высоком лбу да округлом подбородке. Его черты, казались полностью списанными с лика старшего Димурга, верно потому как Небо являлся не просто братом, а еще и близнецом Першего. И разнился с последним лишь кучеряшками золотых волос до плеч, усами и бородой покоящейся завитками на груди, да небесно-голубыми радужками глаз, глубокими и наполненными светом.

– Умиротворись милый наш малецык, стоит ли так себя угнетать, – бас-баритон Небо также природный голосу Першего прозвучал не только мягко, но и приглушенно своим тембром стараясь успокоить разволновавшегося Огня, оный хоть по статусу и носил величание младшего брата, на самом деле оставался сыном. – Умиротворись моя драгость... Ничего страшного, что не успел, никто тебя ни в чем ни винит. Стоит ли так тревожиться.

– Главное, драгоценный наш, что лучица, наконец, вселилась и подала зов, – не менее ласкающее протянул Дивный своим трепетным, бархатистым баритоном.

Дивный с такого же цвета кожей, как у Небо и Огня, и темно-русой бородой, достигающей груди да столь густой, что на концах она закручивалась по спирали в отдельные хвосты, был младшим четверки старших Зиждителей. Лицо Бога несущее в себе больше признаков мужского начала, чем у Огня, напоминало по форме сердечко, где лоб был не только высоким, но и много более широким, чем угловатый подбородок. Большой рот с черными блестящими губами, короткий с вогнутостью в середине и слегка вздернутым кончиком нос, узкие, продолговатые глаза почитай не имеющие склеры и точно полностью наполненные бирюзовостью радужной оболочки, выпуклые, нижние веки, длинные густо закрученные, темно-русые ресницы и вроде проходящие по одной линии прямые, короткие брови придавали Дивному какую-то сухость... аль вечное недовольство. Младший из четверки Богов был также, как и его старшие братья: Перший, Небо, Асил высок, а плотно облегающее тело золотое сакхи, мерцающее в такт сиянию кожи, зримо проявляло сухощавость сложения. На голове Дивного восседал не менее занимательный, чем у Небо высокий венец. Сотворенный из тонкого обода и исходящих из его граней, устремленных вертикально вверх, широких полос, украшенных рельефными изображениями разнообразных видов птиц. Те золотые полосы незримо удерживали в наверхие солнечный, плоский диск, изредка переливающийся ядренистым золотым светом и также не часто совершающим медленный поворот вокруг своей оси. Пальцы Бога покоящиеся на пухлых облачных облопотницах были унизаны широкими золотыми и серебряными перстнями, на правой руке, украшенные еще и желтым круглым янтарем, да по кругу россыпью желтого бриллианта.

– Я ведь просил давеча, тебя Дивный, пусть пришлет Небо в помощь кого из братьев, – протянул Огонь. Он даже не старался сдержать своей досады, обвиняя в неудаче двух старших Расов. – Мне тяжело, я так и не отошел от утомления... Так нет же, никто того не слышит... не замечает... Я не успел на морг, – опять же негодуя дополнил Бог и его серебристый тенор дрогнул... Засим дрогнул он и весь сам, да резко остановившись, повернулся спиной к старшим Зиждителям, единожды воззрившись сквозь стекло на планету Земля. – Темряй... Вне всяких сомнений Темряй поставил щит, я таковой видел на Земле... Тогда,

когда он оберегал дом Кали-Даруги... И я об него ударился. Посему Стынь и успел забрать ребенка первым. Коли б кто был из братьев, пусть даже Дажба, не было б ни счита... ни шустрых Стыня и Темряя. – Огнь стремительно развернул голову и часть корпуса и гневно зыркнул в лицо Небо, определенно желая задеть его той досадой. Зрелось, что утомление Бога не давало ему возможности ярче вспламенить кожу, и выплеснуть с нее как допрежь того он делал, крошево огненных брызг, чье действие враз сняло б с него недовольство. – Надо было, чтоб прибыл Дажба, как я и просил... Я не дубокожий ваш Воитель и Словута, умею ладить с нашим милым малецыком.

Золотое сияние кожи Огня днесь и вовсе пропало, а миг погоды цвет на наружном покрове приобрел серую тональность. И тотчас младшего Раса туго качнуло взад... вперед... И, чтоб удержаться на ногах он резво повернулся в направлении стеклянной стены, да протянув к ней руку, оперся перстами о гладь поверхности.

– Все! Все! – властно дыхнул Небо и немедленно поднявшись с кресла, направился ко все еще покачивающемуся сыну. – Я сказал, попросил умиротвориться тебя, моя драгоценность. В самом деле, что ты так растревожился, было б с чего. В любом случае до достижения ребенком двадцати лет в соперничество за лучицу по сговору вступать нельзя, посему какая разница где она будет жить. В Дари аль Африкии... Слегка изменим наши замыслы и все, не надобно только так досадовать, сие вредно дорогой мой малецык, тем паче мы с Дивным проглядели твою усталость.

Небо неспешно приблизился к Огню, и, приgolубив локоны его волос, прошелся дланью и по длинному огненно-рыжему хвосту, растрепавшемуся от волнения. Густые серо-бурые облака, что пыхтели, перемещаясь по полу, самую толику поблекли в своей хмари и местами, особенно подле утопленных в них почти по щиколотку ног Богов окрасились в желтоватые полутона.

– И потом, дорогой малецык, – участливо молвил Дивный, и, подняв с облокотницы правую руку, легохонько шевельнул отяжелевшими от перстней пальцами, тем движением, вероятно, жаждая и самому приgolубить Огня. – Ты же знаешь, как Дажба тяжело переживал смерть девочки, наотрез отказавшись оставаться в Млечном Пути. Мы с Небо толковали с ним о возвращение сюда не раз... Но малецык того не хотел, как же мы могли его заставить... Ноне он сюда прибыл лишь потому как лучица подала зов, и все мы Димурги, Расы, Атефы вмаle тут будем.

Старший Рас наново нежно огладил волосы Огня, а тот не столько резко, сколько вроде как болезненно дернул плечами и запальчиво бросил:

– Не трогай, – так, будто та ласка ему была неприятна.

Небо не мешкая убрал руку от младшего Раса, и, оглянувшись, обеспокоенно переглянулся с Дивным.

– А Усач слышал зов? – спросил погоды Дивный, пристраивая дотоль поднятую руку обратно на облокотницу кресла и слегка утапливая в той рыхлости пальцы.

– Слышал, – недовольно буркнул Огнь и старшие Боги были рады, что он хоть этак откликнулся на спрос. – Усач пришел много позже. Я не сомневаюсь в том, что зов услышал первым. Ибо он был такой яркий и столь мощный, что по первому болезненно оглушил меня... Впрочем, зов был так подан... Он был четко подан на маковку. Точно лучица старалась направить его прицельно на Димургов. А быть может я ошибаюсь и просто этим пытаюсь оправдать свою медлительность.

– Нет, нет, мой милый, – тотчас откликнулся Небо и днесь положил правую руку на плечо младшего Раса. – Ты не стараешься себе оправдать. Лучица слишком связана с Димургами, и в первую очередь с Першим... Потому и родилась паболдырем, и, несомненно, прицельно подала зов на маковку, и лишь потом на Родителя. Абы желала, слышишь мой любезный, желала, чтобы Димурги пришли к ней первыми.

– Ты, Небо, хочешь той молвью меня успокоить, – в голосе Огня прозвучало теперь огорчение, и он надрывисто передернул плечами так, что сотряслось все его тело... И вновь его бросило вперед, отчего даже резко соскользнули вниз перста опирающиеся о стеклянную стену.

Старший Рас незамедлительно обхватил предплечья Огня, джюже бережно развернул его к себе лицом и нежно прижал к груди, в том объятие, передавая ему всю свою божественную любовь и снимая волнение.

– Умиротворись мой милый. Умиротворись, – чуть слышно протянул Небо и трепетно прикоснулся губами к правому виску младшего Раса, ласково огладил по волосам и спине, вроде вбирая в себя его тревоги и неудачи. – Все будет хорошо. Надобно понять одно, моя драгость, лучица изберет сама себе печищу... И ты, Огнь, должен быть готов, что это будет печища Димургов, поелику она вельми связана с Першим, в целом как и все вы, сыны... Как и все мы, братья. Лучица, очевидно, предпочтет Димургов, ежели Перший от нее не отступит... А Отец в этот раз не отступит. Так, что нужно это понимать... Понимать, мой драгоценный, и принимать. Мы вступаем в соперничество, я уже тебе говорил, желая вобрать в свою печищу лучицу, желая помочь ей вырасти. Но должны четко видеть, что таковая чувственность лучицы и Отца не сможет их разлучить... Просто в тебе до сих пор говорит огорчение по поводу Темряя... Выбора малецыка и не желания Першего нам его уступить.

– Нет, я тот выбор уже пережил, – прошептал Огнь, однако, чтоб скрыть чувства, обуревавшие его, сомкнул глаза и уткнулся лбом в плечо старшего Раса.

– До сих пор не пережил, – еще мягче... нежнее проронил Небо, все также прижимая к себе младшего Бога, голубя ладонью его волосы. – Но если бы Темряй не вступил в печищу Димургов, ноне подле нас не было нашего Дажбы... Малецыка оног ты так любишь... Так, что в целом мы Расы ничего не потеряли и потому не надо возвращать в себе досаду на Темряя... Нужно остыть и умиротвориться. Нужно научиться относиться к малецыку Темряю заботливо и трепетно, так как ты делал, когда он был лучицей... И ни в коем случае ни задевать его, ни огорчать, как ты творишь ноне. Отчего ту боль ощущает не только Темряй, но и мы твои Отцы, и в первый черед Перший.

Небо полюбовно прикоснулся устами к макушке склоненной головы Огня, на малеша застыв так... И в зале нависло густое отишье... Серые облака, ползущие по полу и стенам, и оставившие от собственной атаки чистой всего-навсе стеклянную из них, гулко пыхтя стали менять свою окраску на более блеклую, вмаде и вовсе живописав на себе лимонную желтизну. А спустя время заколыхали собственной плотной массой, словно по ним враз пробежала порывистая волна, аль они нежданно раздумав сохранять целостность, решили распасться на отдельные куски. Желтые алмазы в золотом венце, огибающем голову, Огня, нежданно купно замерцали, и Бог более степенно вздохнув в белое сакхи Небо молвил:

– Вежды прибыл. Ждет встречи.

– Вежды? – удивленно спросил Дивный. Зиждитель все время благодушно и, одновременно, встревожено наблюдающий за младшим Расом, резво встрепенулся. – Зови... Зови Вежды, малецык.

– Ты поколь присядь, мой милый, присядь, – заботливо попросил Небо и заботливо приобняв Огня, повел к креслу стоящему слева от своего и неспешно на него усадил.

Младший из Расов уже остывший и вне всяких сомнений успокоенный Небо медлительно опустил в кресло, оперся спиной об ослон, и, пристроив руки на облокотницы, сомкнув очи, замер. Старший Рас полюбовно провел перстами по его волосам, огладил прямую спинку носа, огненно-красные уста и впалые щеки, и, шагнув несколько в бок, взмахнув левой рукой, бережливо придвинул кресло Огня ближе к своему. И только теперь неторопко развернулся в сторону одной из стен из которой, кажется, из самой ее поверхности, аль из клубисто-ползущих, лимонных облаков вышел старший сын Першего, Господь Вежды.

Нынче Вежды был обряжен в золотое сакхи и подпоясан широким серебристым поясом, чьей застежкой служила трехпалая кисть, наверх коей украшали зеленые изумруды. На голове у Димурга поместился не менее великолепный венец, где широкий белый обод, творенный из серебра, полностью скрывая лоб, напоминал по внешнему виду мельчайшие переплетения тончайших волосков шерсти. От того обода вверх поднимались три широкие платиновые полосы, основу которых составляли нити один-в-один, как паутинные волокна сходящиеся на макушке и единожды окутывающие всю голову. Из наверхия тех полос ввысь устремлялся узкий, невысокий столбик на оном располагался схожий с человеческим, глаз. Окутанный багряными сосудами и белыми жилками с обратной стороны, впереди он живописал белую склеру, коричневую радужную оболочку и черный ромбически-вытянутый зрачок. Глаз представлял собой сплюснутый сфероид, каковой иноредь смыкался тонкой золотой оболочкой, вроде кожицы, подобием двух век сходящихся в центре едва зримой полосой. Тончайшие, серебряные браслеты на левой и широкие, золотые на правой украшали руки Бога, а ушные раковины и мочки ноне усыпали крупные рубины, сапфиры, изумруды, да в надбровных дугах мельчайшей россыпью блистали голубые аквамарины.

Войдя в залу Вежды, перво-наперво обвел Богов взглядом и нежно им улыбнулся, засим медленно спустился с наклоненной части пола, и, приблизившись к Небо вельми скоро нырнул в его раскрытые объятия.

– Малецкы, – по теплому произнес старший Рас и как дотоль обнимал и целовал Огня, также облобызал неприкрытый ободом висок Вежды, приголубил его спину. – Давно не виделись, моя драгость... Что так? Почему не бывал у меня? Дажба ждал встречи.

– Вельми много дел, – отозвался Вежды и зримо трепетно провел дланью по спине старшего Раса, точно пред ним был его Отец, Перший.

Небо неспешно разомкнул объятия и Вежды столь крепкосложенный, отличающейся мощью и статностью незамедлительно из них вынырнув, шагнул к креслу Дивного, каковой также приветственно поднялся. Димург торопливо прижался к Дивному, прислонившись левой щекой к его щеке и так застыл на немного... на чуть-чуть, вероятно, наслаждаясь близостью своего сродника. Вмале Дивный облобызал крылья носа и очи Вежды и только после того выпустил его из своих объятий при том не менее, чем Небо благодушно просияв.

Вежды теперь перевел взор на Огня, погодя торопливо шагнул в его сторону и так как последний, всем своим неподвижным видом живописал собственное отсутствие, протянул руку и нежно провел перстами по огнистым волосам, молочному лбу, щеке, ноне и вовсе почти не озаряемым золотым сиянием, да остановившись на огненно-красных губах, с тревогой молвил:

– У вас, что-то случилось? Почему наш бесценный Огонь такой потухший, усталый?

– Он просто расстроен, Вежды, – умягчено отозвался Небо, и, похлопав Димурга по плечу, шагнул в направление своего кресла, и, несмотря на присущую Расам медлительность, скоро в него опустился.

Вежды неспешно повернул в сторону обоих вже присевших старших Расов голову, обеспокоенно зыркнул на одного, посем на другого и немедля обменялся с Небо мысленным толкованием:

– Это из-за лучицы? – спросил он.

– И не только, – коротко дыхнул Небо, при том не шевельнув не только устами, но и не колыхнув даже малыми волосками прикрывающими их.

– Он никак не примет выбора Темря... И драгость малецкы это все время ощущает на себе. Всю предвзятость Огня. Надобно с ним поговорить, и верно стоило прислушаться к Отцу и не оставлять Огня обок Темря, – единым дуновением молвил Вежды и легонько качнул своей головой, отчего зараз в наверхие его венца дрогнули золотые веки глаза

и сомкнувшись укрыли под собой и склеру, и темно-коричневую радужку и черный ромбически-вытянутый зрачок.

– Многожды раз с ним толковали... и я... и Дивный... и Перший о малецыке Темря, – даже в этом, мысленно посланном лишь Вежды, ответе слышалась нескрываемое огорчение старшего Раса.

– Я расскажу обо всем Отцу... Думаю он вmale увидится с бесценным малецыком и поговорит, да даст совет, как нужно в целом поступить, – дополнил Вежды, и теперь туго вздохнул, но как-то не просто грудью, а словно всей своей плотью... так, что заколыхалась и черная кожа на его лице, выплескивая изнутри золотые переливы света.

– Если я вас не слышу, – нежданно достаточно грубо перебивая поток мыслей старших Зиждителей, проронил Огнь уже вслух, и резко открыв глаза, в упор посмотрел на стоящего подле него Димурга. – Это не значит, что я не понимаю, о ком вы говорите.

– Мы говорим о тебе, наша драгоценность, – участливо откликнулся Вежды, и вновь оглажив волосы младшего Раса, развернувшись, медленно направился к свободному креслу стоящему обок Дивного. – Отец желал с тобой встретиться, ибо давно не видел... Да и обеспокоен тем, что находясь все это время тут один, ты ни с кем не встречался. И даже не посещал маковки, где последнее время пребывал Стынь. Малецыки толковали, что ты за этот срок, не покидал ни разу Солнечной системы и ни бывал даже на Земле.

Огнь внезапно широко улыбнулся, а по коже его лица сверху вниз пробежала тонкая рябь искорок, только не ярких, а лишь едва мерцающих.

– Да? – чуть слышно поспрашал он, в первую очередь, обращаясь к Вежды. – А более малецыки Отцу ничего не сказывали? Ничего? – Димург порывисто качнул своей массивной головой, похоже, ему ее тягостно было держать на плечах. – И хотя я почасту гостил у Усача, но все верно, никак не мог покинуть систему и также не смел посетить маковку... Маковку не смел посетить, поелику боялся, что при встрече с дорогими нашими малецыками не сдержусь и как принято у гомозулей надаю затычин по их божественным головам... А с Отцом я, непременно, встречу... Прямо нынче... днесь... не откладывая встречу, и расскажу, по каковой причине не мог покинуть систему. – Огнь резко смолк, тот же миг закрыл очи и замер, понеже кожа его нежданно приобрела и вовсе синеватую дымчатость, а золотое сияние совсем истончилось. Небо враз подался с кресла в направление сына и нежно огладил перстами кожу его лица, тем самым вбирая в себя всю дымчатость и передавая ему столь надобное, божественное сияние. – Теперь непременно увижусь с Отцом и расскажу ему, – дрогнувшим, тихим голосом продолжил толковать Огнь, погодя. – Почему все время находился в хуруле и так утомился... Знаешь, почему, Вежды? – ноне голос младшего Раса звучал огорченно, несомненно, он жаждал найти поддержку не только в голубящих его волосы руках Небо, но и в взволнованно смотрящем на него Димурге. – А потому как ваши... наши малецыки желали слегка изменить наклон вращения планеты Земля... Не ведаю чего они хотели добиться тем самым, вызвать деформацию земной коры аль поменять полярность планеты... В целом я не стал уточнять, ибо не желая расстраивать моего дорого Отца не стал с малецыками и вовсе встречаться, посему тот вопрос выяснишь ты, Вежды... Мне же как говорится было не до того... Приходилось все время следить за тем, что летит в сторону Земли, словно пущенное с четвертой планеты... Ну, ладно, ради моего любимого Отца, будем думать менее горячо, пропущенное и не словленное четвертой планетой.

– Малецыки мне о том не сказывали, – отрывисто откликнулся Вежды, и теплота в его взоре, неприкрыто свидетельствовала о беспокойстве за состояние Огня.

– Еще бы... мне вообще порой, казалось, некие болиды летят с маковки четвертой планеты. Вже вельми четкой и направленной была их траектория, – дополнил свою прерывистую речь младший Рас. Он вновь начинал негодовать, потому и кожа его лица, в целом, как и рук, также резво приняла голубоватый оттенок. – Так, что я пришел к выводу мале-

цыки, что-то задумали... и явственно, не ладное, возможно очередной эксперимент. Оттого Вежды, – теперь прозвучала досада, которую мог испытывать лишь младший в отношении несправедливых упреков старшего. – Я все время находился в тревоге... Потому последнее время, особенно с того самого мгновения как в систему прибыл Стынь, не мог не то, чтобы бывать у Усача, но и толком посещать дольную комнату, страшась пропустить на Землю... Столь нам всем Зиждителям дорогую планету какой метеорит, абы это очевидно было не предписанное общими законами систем, а искусственное вмешательство... И длилась так кутерьма, до тех самых пор поколь меня не утомила окончательно, и тогда я послал малецыкам предупреждение. После, об этом я уже догадался, таковое предупреждение послал и Усач, поколь, чтоб малецыки не чудили пристроивший свою батуру на дальнем спутнике четвертой планеты. Я Усачу не жаловался, хотя, наверно, стоило бы... Он данное шалопайство и сам приметил, посему торопливо снялся с соседнего спутника Земли и переместился на спутник четвертой планеты. Чем самым, похоже, и угомонил наших... ваших... словом милых малецыков.

– Я о том сообщу Отцу, – отозвался Вежды и его серьезное, можно молвить, даже расстроенное лицо воочью свидетельствовало о том, что ребячество братьев ему не понравилось. И данное недовольство живописалось не только в насупленных бровях, но и во всех движениях Бога, в легком покачивание головой и тревожному постукиванию перст о облокотницы кресла, вроде они были не рыхлыми, а вспять вельми твердыми. – Отец был очень занят, также как и я, и Мор, творивший Ледную Голицу Круча. Он надеялся, что Темряй будет серьезнее и сможет обуздать ребячество Стыня. Но, судя по всему малецык, еще слишком молод и сам не растерял колобродничества... Жаль, ибо Отец тому обстоятельству весьма расстроится, он итак такой утомленный... можно сказать даже потухший.

– Перший утомлен не по этой причине, – мягко отозвался Небо, и ласково огладив висок и щеку Огня перстами, задумчиво оглядел его с головы до ног. – Хорошо, Вежды, что ты прибыл к нам, оно как я желал поговорить с тобой одним о маймыре.

– Об Опече? – голос Вежды немедля дрогнул, стоило только ему назвать истинное величание Бога из Атефской печицы, лучицы Першего некогда отпавшего от Зиждителей и превратившегося в маймыра... В своенравного, нарушающего Законы Бытия Бога, не создающего, а лишь разрушающего, живущего, как сказали бы люди, грабительством посему подлежащего уничтожению.

Таковое средь Богов случалось редко... И Опечь был вторым Богом оный совершив оплошность ушел из печицы и превратился в отщипенца, маймыра.

– Да, мой милый, об Опече, коли ты желаешь его так называть, – все также раздумчиво произнес Небо. Он еще самую малость, что-то мозговал, а после повернув голову в сторону младшего Раса любовно протянул, – поди Огнь, моя драгость, к Дажбе... Побудь с ним... Он весьма за тобой натосковался да и Седми вmale прибудет... Потолкуешь с ним. Мне нужно поговорить с Вежды с глазу на глаз.

Огнь медленно повертал голову и удивленно да единожды обидчиво зыркнул на старшего Раса, впрочем, спорить не стал. Он неторопко поднялся с кресла и тяжелой, покачивающейся походкой направился к стене, на ходу бросив назад, вельми едкое негодование:

– Пойду в дольную комнату, оно как дюже утомился... Кому надобно сам придет ко мне толковать.

Густые испарения в оных сокрылся Огнь, все еще неспешно ползли по стенам, они своей перьевой лимонностью достигали свода и гулко хлопнув, будто жажда разреветься, немедля скатывались вниз. Но всего-навсе за тем, чтоб на миг, утонув в собратях плывущих по полу, вновь продолжить свое восхождение к потолку. Незримая тишина какое-то время витала по зале, и все три старших Бога неотрывно глядели на ту стену, где дотоль сокрылся разгневанный Огнь, вероятно прислушиваясь к чему-то.

– Дошел, – наконец пояснил, прерывая отишье, Небо.

– Он очень утомлен, что очень плохо, – вставил достаточно обеспокоенно Вежды, и резко дернув левой рукой, свершив тем движением полукруг, вместе с креслом переместился несколько левее так, чтобы можно было зреть сразу обоих Расов. – Ежели Отец его таким увидит, будет на тебя сердит Небо.

Димург сказал последнюю молвь явственно встревожено, и данное волнение касалось не только Огня, но и старшего Раса, которого он весьма любил.

– Ничего, мой дорогой, ничего, – умягчено протянул Небо и по теплему воззрился в лицо Вежды, переведя взгляд со стены на него. – Теперь по поводу Опеча, – вероятно старший Рас желал перевести тему разговора в то русло, которое его ноне волновало больше, чем недовольство старшего брата. – Итак, малецык, давеча я был у Родителя... И он мне поведал, что Отец Перший в тайне от нас снабжает маймыра, – губы Вежды порывчато дрогнули. – Ладно, ладно Опеча частью своей биоауры, потому и наблюдается это утомление. Брат и допрежь того делился с Опечем биоаурой, чтобы тот окончательно не потерял свой облик. Впрочем, когда маймыр пытался похитить лучицу, я имею ввиду Владелину, Перший потребовал от него встречи... Но Опечь от нее отказался, тогда брат на какое-то время ограничил его в биоауре. Однако погода возобновил свою помощь. Родитель очень встревожен состоянием Першего. Как ты понимаешь, милый малецык, вскоре родится новый Бог и нам придется... Нам всем будет нужно помогать в его возвращение, а посему необходима вся биоаура. И надобно, чтобы Боги на тот момент были достаточно бодрь. Потому Родитель предложил Опечу прощение, возможность сызнава вступить на Коло Жизни и попробовать вновь выбрать себе печищу, в ином случае уничтожение его произойдет в ближайшее время. Я, как только это предложил Родитель, отбыл к маймыру. – Небо на немного прервался, вельми как-то отрешенно зыркнул на сидящего подле него Дивного, и много мягче воззрился на Вежды, много тише, словно боялся, что его до срока услышат, продолжил рассказывать, – честно скажу, Опечь оказался мне запутанным и опустошенным. Он однозначно не желает видеть Асила и Першего, обаче был явно рад мне. Выслушав предложение озвученное Родителем он очень обрадовался... И взволнованно стал толковать, тем вроде стараясь в моих глазах оправдаться. Тем не менее, я с трудом понял его несколько бессвязную речь, вызванную очевидно напряжением и утомленностью. Впрочем, понял я одно, он не хочет вступать в печищу Атефов и Расов... И жаждет, мечтает, как и дотоль, лишь о Димургах. Он все также привязан к Отцу, только уверен, что вы, сыны Першего, его не примете. – Небо сызнава смолк, тем давая возможность неспешно переварить Вежды им выданное и неторопко огладил свою густую, златую бороду, на малость зацепившись указательным перстом в ее плотных кучеряшках. – Ты, понимаешь, любезный малецык, о чем я говорю? – спросил он.

– Да, Небо, – тотчас откликнулся Вежды, и суетливо, что в целом не было присуще Зиждителям, кивнул, отчего незамедлительно раскрылись веки на сфероидном глазу в наверхшие его венца, и из него выплыла бурая дымчатая полоса света. – Я к нему отправлюсь немедленно, только улажу дела Отца. Было бы прекрасно если б малецык вернулся в лоно Зиждителей... Однако, коли Опечь войдет в нашу печищу, как же тогда с лучицей? Отец, очень к ней привязан. Точнее молвить зависим от нее, он не сможет отказаться от соперничества за лучицу.

– Родитель молвил, что маймыр, – пояснил Небо, по-видимому, ожидая того волнения Вежды и оттого разком подался вперед верхним корпусом тела, дотоль возлежащим на ослоне кресла. – Он не сможет теперь быть сыном, ибо выбрал имя и путь брата. А посему на Коло Жизни приобретет всего-навсе общие признаки печищи. Так, что если ты сможешь его убедить, мой бесценный Вежды, и это поверь очень важно... Оно ты и сам понимаешь как важно, у Димургов появится новый брат. И Перший сможет продолжить соперничество за лучицу.

– Почему ты мне не сказывал о встрече с Родителем и его предложение? – наконец, проронил Дивный и черты его красивого в виде сердечка лица едва зримо вздрогнули. – И ты уверен, что маймыр вступив в печищу Димургов сохранит за собой путь брата, ведь это нарушает Закон Бытия утвержденный самим Всевышним... Потому как если мы ошибемся, и после обретения Опеча, Перший не сможет продолжить соперничество за лучицу, это его убьет... Отец вельми сильно сцеплен с лучицей, и это достаточно четко зримо... Да и нельзя забывать того, что рассказывал нам Темряй, о смури Отца, когда он думал, что лучица погибла... О смури она чуть было не погубила его самого, его нашего любимого Отца Першего.

Небо внимательно выслушал младшего брата и легохонько шевельнул плечами, потому враз шибутно качнулась плывущая в его венце миниатюрная система, вроде жаждущая выскочить из удерживающего ее подле концов дуг голубом мареве света.

– В последнюю нашу встречу с Першим на пагоде в Северном Венце, – молвил Небо и самую толику развернул в направление брата голову, при том не выпуская из своего взора Вежды. – Я обратил внимание, что Отец утомлен, вернее даже, сказать, разбит... Я было даже испугался, что он надломлен. И посему спросил его, что с ним. Но брат сделал вид, что не услышал меня и перевел разговор на Дажбу, на малецыка абы нас на тот момент волновало его поведение. Перевел разговор, так как Перший почасту умеет делать, когда не желает отвечать. Одначе, так как утомленность была слишком зримой, я решил отправиться к Родителю, чтобы узнать от него почему Отец так подавлен и коли надобно помочь. И тогда Родитель мне все рассказал про маймыра и биоару. Родитель, безусловно, против какого бы то ни было нарушения предписаний и Законов Бытия, но всегда готов нам помочь и договориться обо всем с Всевышним... Тем самым он спасет Опеча и защитит Першего, пред коим по какой-то мне не озвученной причине, ощущает вину... Родитель пояснил, что пытался воздействовать на Першего и даже потребовал от него прекратить помогать маймыру. Обаче, брат заявил, что отдает лишь свою часть биоауры и не нарушает Законы Бытия. И еще добавил, что будет делать так все время, чтобы Опечь мог сохранить присущий Богам облик, и не превратился в отчужденца.

– Ах, Отец! Отец, – вельми горестным гласом продышал Вежды и протяжно дыхнул так, что затрепетало не только сияние кожи, но и кругнулись по коло желваки на его скулах, на миг живописав угловатые свои макушки. – Для него всегда на первом месте сыны и братья... Он всегда... все время тревожится за каждого члена печищи, не важно Атефы это, Расы или Димурги... Отец! Милый мой Отец! – додышал с нежностью и единожды мощью Вежды, чем самым всколыхал лимонные испарения, махими ветроворотами колеблющиеся по полу. – Небо, я только тебя прошу, – немедленно дополнил Димург, вероятно страшаясь, что о происходящем станет до времени известно Першему. – Поколь я не улажу все с Опечем, при встрече с Отцом ничего не сказывай, не тревожь. Он итак расстроится из-за шалопайства Темряя, каковому хотел доверить управление Татанией и разрешить населять несколько систем его Галактики Уветливый Сувой растительным и животным миром.

– Надеюсь, в системах Уветливого Сувоя, не будет тех дивных творений Темряя, оными он жаждал населить Млечный Путь? – незамедлительно спросил Дивный и гулко фыркнул, словно желая заготовить.

Вежды в ответ широко просиял, и резко вздев вверх плечи, отозвался:

– Таковой надеждой не надобно себя тешить... Думаю, Отцу удастся вразумить, нашего малецыка, что некие из тех дивных творений, как ты выразился Дивный, разрушат общее понимание животного мира, но, очевидно, он вряд ли сумеет переубедить Темряя... Так, что однозначно в Уветливом Сувое не все системы будут населены людским племенем, к тому надо быть готовым.

Днесь улыбнулся и Небо, лучисто полыхнула золотыми переливами света его белая кожа, вроде Темряй, творил, что-то дюже достойное али точнее говорить даже великое.

– По поводу Першего, Вежды, – продолжил он прерванное вопросом Дивного толкование с Димургом, все поколь довольно улыбаясь, отчего самую малость, трепетали волоски, прикрывающие его широкий рот с полными бледно-алыми губами. – Не беспокойся, я ничего не скажу Отцу. Ты, только, держи связь со мной. Коли Опець согласится на твое предложение вступить к Димургам сразу пришли мне сообщение... И я вылечу к Родителю, столкуюсь с ним обо всем, поелику Он отвел малое время под сие решение. Оно как надобно, чтобы Перший был готов к появлению нового Бога, и мог полноценно вести за него соперничество, будучи бодрым и спокойным, а при таком потреблении биоауры это невозможно.

Вежды торопко кивнул, и, расправив на лице улыбку, придав толстым губам ровность и затихнув, задумался, вставленные в надбровных дугах мелкие голубые аквамарины, нежданно ярко блеснув переливом света, будто пробудили Бога от забытья.

– Впрочем, – немедля заговорил Димург. – Я прибыл к вам не просто так. Мне нужно обсудить с вами одно предложение, касаемо драгоценной нашей лучицы. – Господь прервался, обвел долгим и тем же задумчивым взглядом Расов и дополнил, – девочка в плоти коей живет лучица очень хрупкая здоровьем. Отец дюже расстроился, услышав доклад бесиц-трясавиц о ее состоянии, и о том, что им пришлось подкорректировать, чтобы плоть продолжила жизнь... Это целый набор органов: и легкие, и почки, и печень, и что-то там еще, не помню уже. В целом Трясца-не-всипуха предлагала полную смену плоти, но Отец отказался, ибо боится таковой грубостью нарушить спокойствие лучицы... Ведь поколь не ясно, почему она выбрала эту плоть, хоть и вельми слабенькую, почему так долго тянула с вселением. На первый взгляд бесицы-трясавицы сказали, что у лучицы нет отклонений... Однако нельзя забывать, что она болела в прежней плоти, и быть может, остался какой-то сбой в предписаниях. Словом, чтобы мы смогли вступить за нее в соперничество, сейчас нужны благодатные условия роста для девочки и тогда возможно к двадцати ее земным годам станет ясно, как обстоят дела и у самой лучицы. Ежели мы нынче перенесем ребенка к нам на материк, это может не благостно отразиться на плоти. Абы девочка дюже беленькая и близко не слышна кровь в ней наших отпрысков. Ноне потеря матери, людей оные ее любили, смена обстановки может подорвать только, что укрепленное здоровье. Посему ради благополучия лучицы Отец предлагает взять пригляд за девочкой до ее двадцатилетия вам, только на определенных условиях.

Небо и Дивный изумленно переглянулись, обменявшись неслышимыми для Вежды не менее взбудораженными репликами. А погода Небо слегка качнул головой, и, не скрывая радости, произнес:

– Скажи, милый мой малецык, условия и тогда мы уже определимся, да иль нет. Ответ, как ты понимаешь, будет зависеть от условий.

Однако, та молвь была сказана таким тоном, что становилось ясным Небо пойдет на все условия, лишь бы оставить пригляд за девочкой за своей печищей.

Глава шестая

В граде Лесные Поляны, что поместился в центральной части материка Дари и был давным-давно назван так девочкой Владелиной, в самой середине поселения, там где когда-то стоял космический аппарат величаемый капище, а первыми землянами ковчег ноне... ноне, когда бесценный для всех Зиждителей Крушец вселился в тельце Лагоды, размещался огромный храм. Днесь также, в память о том времени, когда обок с людьми жили Боги, храм именovali капище. Данное капище было особо почитаемым среди дарицев и не только, потому как стояло на священном месте силы, но и потому как посвящалось старшему средь Зиждителей (как ошибочно предполагали дарицы) Творцу Солнечной системы, планет и звезд, всего зримого на Земле, Богу Небо.

Это был Бог, противостоящий Першему... темному... черному Зиждителю, одной из сторон самого Родителя. Бог Небо считался Богом Белого Света, каковой всегда, безлетно сражался с Тьмой... Злом... Зиждитель, который нес в себе Свет и Добро.

Да... да... именно тьма, зло... именно свет, добро. Ибо к этому времени люди уже ввели понятия добра и зла, света и тьмы. Они уже разделили мир на одну и иную сторону Бытия и начали борьбу. Точнее принялись сталкивать меж собой эти два несуществующих понятия и таким образом... сами, оно как это было всего-навсе частью их испорченных мозгов, сами стали противостоять тому, что порождали собственным безумием. По-видимому, да! нет, верно, напрочь забыв слова, когда-то сказанные Владелиной Ратше : «что не может быть тьмы без света... что связаны меж собой эти две сущности, как Боги Перший и Небо, ибо есть неразделимое целое своего Родителя.»

Нынче в Дари Небо почитался как Бог мудрости, покровитель брака и кузнечного мастерства, ведь белые люди думали, что старший Рас своим молотом сковал и саму Землю, и всю Солнечную систему. Небо установил законы, по которым жили дарицы и породил своих сынов: Седми – Бога огня, покровителя жрецов, знаний и власти; Воителя – покровителя воинов, силы и всей мощи природных явлений, грома, грозы, землетрясений; Дажбу – Бога солнца, дарующего тепло, дождь, добро, благополучие, покровителя разнообразных ремесел.

У Бога Небо была супруга Богиня Мать Любовь, чьими сынами считались Седми, Воитель и Дажба, она доводилась попечительницей браков и оберегала замужних женщин, даруя им большое количество детей. Не менее значимым у дарицев оставался Дивный, каковой являлся правителем Галактики Млечный Путь, а также покровителем, как и Седми, жрецеского и знахарского мастерства. Супругой Дивного считалась Богиня Мать Земля, а их общим сыном Бог Словута, хранитель справедливости и каратель, судья над всеми боляринами Дари. Оставался особо уважаемым и Бог Огонь, страж и воплощение изначального Огня Галактики и всего в целом Мироздания.

Дарицы чтили также Бога Асила, каковой научил их предков азам землепашества, тем самым даровав вечные знания и материальное благополучие. Не забывали белые люди и о Боге Першем, иной ипостаси Родителя, вобравшего в себя ложь, обман, извортливость, зло, то есть создателя всего темного, черного... Одначе, без одного не могло быть целостности существующего мира и порядка в нем. Перший, как и его супруга Богиня Смерть, был символом гибели и разрушения, хотя и необходимым концом всего живого. В честь него, также как и в честь Расов, и Асила ставились капища, но они были менее значимые, назывались святилища, и в отличие от сооруженных светлым Богам, всегда строились из дерева.

Светлым Богам... Зиждителям добра, творения, как величали их дарицы, возводились капища каменные, которые богато украшались как снаружи, так и изнутри. Были у белых людей и иные Боги, менее значимые, одначе также почитаемые коим, право молвить, не стро-

или капища и даже святилища, их почитали душой. А коли желалось в нарочно для того выбранных местах, необычных местах, связанных каким-либо образом с предками ставили высокие деревянные чуры, вырезая на них лики, тех кого собирались чтить.

Еще помнили дарицы своих учителей белоглазых альвов и гомозулей, благодарно отзывались о духах, что жили обок их, населяя избы, дома, дворцы... Что следили великой, светлой силой за пожнями, лугами, лесами и реками... И относились к тем созданием с трепетом свойственным в целом людям хорошим.

Путали... Уже напутали дарицы в своих верованиях с Богами. Разделили братьев Небо и Першего на два противоборствующих течения, навешали им показательных меток, обженили... обаче, что благо, все еще помнили и имена, и великие их дела!

Капище в Лесных Полянах напоминало лежащую в основе восьмиугольную звезду, где центральную круглую описывали восемь угловатых построек. Центральное сооружение имело шатровую крышу, а угловые двухскатную. Капище было построено из белого камня и крыто деревом, оное сверху устлали тонкими золотыми листьями, полыхающими переливами света. На белых стенах храма располагались большие окна с арочным навершием, в которые были вставлены желтоватые стекла с рисуночным орнаментом, в основном деревьев, трав, листьев. Стены капища завершались покатыми фронтонами, где просматривались угловато-вырезанные узоры. Ярко-золотые обналичники огибали окна и широкий дверной проем, не имеющий створок, к каковому вела в несколько ступеней белая, каменная лестница.

Справа и слева от лестницы, на значимо огромной в размахе площади, поместились два особых округлых, чугунных сосуда на высоких треножниках в коих горел неугасимый огонь, поддерживаемый древесным углем. Считалось, этот священный огонь, отображая, являл жизнь во всей Солнечной системе, первоначальную силу, существование которой вдохнул Бог Огонь. За поддержание огня в сосудах отвечали и следили нарочно для того приставленные волхвы и угасание того полымя сулило страшные беды не только людям, но и самой Дари.

Внутри капища стены, пол и угловатый, али округлый свод были украшены мозаикой из плотно подогнанных кубиков разнообразных горных пород, где живописались сцены прибытие на Землю Богов, подаренные их помощниками знания, искусства и обряды. Восемь рифленых, точнее пояснить, скрученных веретенообразных столба стояли в середине округлой центральной части капища и поддерживали на себе шатровый свод, от них зримо и расходились угловатые постройки, в форме объемных лучей звезды.

Из-за обилия окон храм был достаточно светлым, а разведенные и расставленные по коло чугунные чаши, небольшие по размеру, и поместившиеся на высоких треножниках, где горел огонь, еще лучистее освещали помещение. Огонь разводили при богослужении раз в неделю, состоящую из девяти дней. Величание, каковых придумали и подарили, это дарицы еще помнили, белоглазые альвы.

Наверно, по этой причине первый день недели считался днем Першего, второй Небо, третий Асила, четвертый Дивного. В пятом дне белые люди вспоминали Бога Седми и, одновременно, Бога Огня, как источников огненной стихии. Братьям Седми, Воителю и Дажбе, соответствовали шестой и седьмой дни, а Словуте восьмой. Венчал девятидневную неделю день Солнца, праздничный, радостный, когда было принято отдыхать, посещать сродников и обобщенно напиваться единением с семьей, со своим народом. Погодя, правда, день Солнца переименовали, что вже, как и понятно, сделали дарицы, в день Матери Удельницы, однако сохранив в нем веселый дух, точно принятия посланного удела Богиней и оттого понимания целостности своего бытия. Именно в этот последний день недели... в день Солнца по-старому, аль день Матери Удельницы по-новому, и возлагали дары в капище, возносили хваления Богам и вечную славу. Поелику просить можно было лишь тайно... лишь

от себя лично. Оно как у дарицев не полагалось сообща просить Богов, только хвалить, славить.

В самой середине центральной постройки капища стояла большая Золотая Чаша, на тонких восьми ножках переплетенных, будто стволы деревьев. На нее жрецы возлагали цветы, фрукты, возливали масла и вино в дар Богам. Ночью же помощники жрецов уносили дары из капища, мыли золотую чашу, полы и делали они это почитай в темноте, подсвечивая себе светом пламенников, в тишине, чтобы не побеспокоить Зиждителей, может решивших заглянуть в храм. В капище дозволялось входить жрецам, их помощникам, а также бояринам Лесных Полян. Все остальные поляновцы не имели право вступать не только в храм, но даже и на лестницу, за тем следили волхвы, дежурившие подле чугунных очагов на площади, а если надо и наратники, военизированная жреческая часть, отвечающая за охрану порядка внутри волости. Оставляя дары, коли желалось, люди должны были подле сосудов со священным огнем по преданию дарицев, зажженных когда-то спустившимся на Землю Богом Огнем.

Жрецы, как и сами капища, существовали за счет оброков собираемых с людей и распределяемых на нужды меж жреческой, бояринской и воинской властью. В общем, если говорить точнее, всем управляли жрецы, ибо именно они собирали тот самый оброк и распределяли его. Войвода также подчинялся старшему жрецу, а бояринские семьи фактически не имели власти, они только пользовались благами ее жизни и были просто символом божественного продолжения на Земле Бога Огня и первой женщины Владелины. Когда-то врученная Зиждителями власть бояринам и войводе, чисто воинской части общества, полностью перешла в руки жрецов, абы так в свое время, создавая особые условия для взросления и благополучной жизни сына Владелины, Богдана, решили белоглазые альвы. Племя, чьим Творцом являлся Бог Седми, обладая всеми на тот момент браздами правления, представленными им Господом Першим, изменили не только первоначальные замыслы младшего из Расов, Дажбы, но и выстроили определенные правила, нормы поведения, да и сами законы, по которым теперь жили дарицы.

В нынешнее утро, на заре, как и было положено по традициям дарицев, старший из жрецов величаемый вещун Липоксай Ягы прибыл к капищу в позолоченной карете, где кузов, шатровой формы с большими оконными проемами прикрытыми желтыми занавесями, и богато украшенный ажурной резьбой, разнообразными насечками и инкрустированный янтарем, подвешивался на рессорах. Карету везли четыре белых жеребца, у которых на удивление были достаточно длинные гривы и хвосты, ведомые под узду четверьмя жрецами, обряженными в желтые длинные одежи, с длинными рукавами, без вырезов. Еще два жреца, оных величали ведуны, медленно сопровождали повозку, шествуя по обе стороны от нее, открывая в случае надобности двери, имеющиеся в корпусе. Позолоченные колеса, медленно вращаясь, везли старшего жреца из его дворца, что поместился напротив капища, на иной стороне площади.

Довольно-таки узкая улица, плавно расчерчивая Лесные Полосы на две половины, вдавалась с одного края в каменную, залащенную мостовую площади, и выходила с обратной ее стороны, продолжая движение по граду. По обеим сторонам центральной улицы, как ее величали «Первой» располагались в основном двухуровневые дома зажиточных людей, на ней не было ни мастерских, ни торговых лавок, ни одноэтажных домов низшей прослойки общества. А все потому как она вела к площади, где на одной его стороне стояло капище, а на обратной дворцы старшего жреца и бояринов, называемые детинец. Можно сказать, это высилась одна грандиозная постройка, отделенная друг от друга небольшим проемом, с разбитыми на нем цветочными клумбами, водопадами и миниатюрными прудиками.

Детинец вещунов был мощным, прямоугольным строением из камня, сверху оштукатуренным и окрашенным в желтый цвет. Крыша дворца представляла из себя многогранный

сомкнутый свод, завершающийся девятью стоящими обок друг друга сфероконическими главами с изумительными по красоте накладками напоминающими форму шлема, золоченых и ажурно убранных по граням и макушке серебряными, долгими шпилями. Многообразием отличались изразцы украшающие карнизы стен с точной прорезью виноградных лоз, изгибающих отростков, усиков и широких листов.

Детинец жреца, как и дворец боярина, являлся самым высоким зданием в Лесных Полян, и имел три уровня. Большие с округлым навершием окна переливались на дворце полупрозрачными аль золотистыми стеклами, где иноредь наблюдались чудные изображения цветов, деревьев, трав. Резными и одновременно покрытыми позолотой были наличники оконных проемов. И мощные, округлые по всему фасаду белые каменные ступени, степенно уменьшающиеся в ширине и подходящие к боярному в размахе пятачку, сверху прикрытому медной кровлей, поддерживаемой вызолоченными фигурами соколов, под оными поместились высокие и также украшенные златом двухстворчатые двери.

Дворцы жреца и боярина соединялись меж собой нависающим над искусственно созданным кусочком природы, теми самыми клумбами и прудиками, крытым переходом, творенным из голубого стекла. Детинец боярина отличался по форме от дворца жрецов, являя из себя, точно пять отдельно поставленных зданий сочлененных крытыми галереями. Пять, ибо данное число принадлежало Богу Огню... Богу, чьими потомками и были боярины... Боярины не только Лесных Полян, но и всех иных соседних волостей. В середине детинца бояринов располагалось высокое устремленное конусовидной кровлей, стройное, схожей обликом с шатром, здание, имеющее главенствующую роль в постройке, богато украшенное изразцами и позолотой, орнаментированное зубчатыми медными гребнями. Стоящие подле центрального здания иные четыре постройки венчались столпообразными крышами, и были также роскошно убраны позолотой. Сами стены дворца бояринов каменные, оштукатуренные имели бледно-голубоватый цвет, расположенные равноудалено на них большие окна, глазели на площадь желтизной стекол, их огибали позолоченные наличники с вставками, в неких местах инкрустированные самоцветными камнями, в основном речным жемчугом и янтарем.

Степенной поступью кони дошли до лестницы пред капищем, остановив карету как раз супротив ее центра. Один из ведунов не наступая на саму лестницу, торопко протиснулся к дверце и otvorил ее. Засим все также спешно ведун отогнул дотоль прижатую вызолоченную лесенку от кареты таким образом, что она коснулась поверхности первой ступени. И миг погодя из кузова повозки, медлительно спустившись по двум ступенькам каретной лестницы, выступил вещун Липоксай Ягы. Ведун, отворявший дверь уже давно обошел повозку и остановился, замерев обок нее, и стоило лишь Липоксай Ягы ступить на первую ступень, низко преклонил голову, как и иные жрецы. Старший жрец, между тем застыв на ступени каменной лестницы капища, недовольно скривил свои тонкие, блекло-алые уста, або был недоволен... Почасту и многими... Однако, ноне он был недоволен действиями нового своего ведуна, Таислава, того самого который открывал дверцу кареты. Таислав лишь недавно сменил на этом почетном посту своего престарелого собрата, и потому поколь не исполнял должное, заповеданное безукоризненно, как оно требовалось в среде жрецов. Порой, забывая отворить вовремя дверь, незамедлительно покинуть первую ступеньку лестницы, или вот как сейчас, склониться, дотоль, как вещун покажется из кареты.

Старший жрец еще малость медлил на первой ступени, умиротворяя свое лицо и мысли, понеже было недопустимо войти в капище, в коем когда-то обитали сами Боги, с гневливыми устремлениями, а засим начал свое неторопливое восхождение и тотчас позадь него резво дернувшись, поспешила удалиться с мостовой карета. И тогда вслед за Липоксай Ягы стали подыматься восемь жрецов, носящих величание ведунов. Старший жрец был уже взрослым мужчиной, хотя про него точнее будет сказать, все поколь еще

молод. Высокий и крепкий в кости, несомненно, белокожий, Липоксай Ягы не был толстым, грузным, так как это запрещалось вообще в касте жрецов, и каралось изгнанием из нее... Изгнанием и как следствие лишением постоянного заработка. Вещун же и вовсе смотрелся вельми кремнястым, а руки его оголенные до плеч мускулисто-сильными. На низком, широком лице с крутым лбом и слабо выраженными надбровными дугами, с точно волнистой спинкой и круглым кончиком носа, Липоксай Ягы живописались крупные голубые очи, где нижние веки образовывали почти прямую линию. Он, как и все иные жрецы, не имел бороды и усов, або брился. А длинные светло-русые волосы с легким отливом золота были схвачены позадь головы в хвост. На обеих мочках его ушей висели на длинных золотых цепочках крупные белые алмазы, по лбу проходила плетеная серебряная в два пальца шириной цепь. Обряженный в широкую, золотистую одежду без рукавов, при том мешковато уходящую книзу так, что подол, данного кахали, касался полотна ступеней и скрывал стопы обутые в сандалии. Казалось сверху на кахали накинули плащ такой же золотой и проходящий подмышкой левой руки и по плечу правой, только не схваченный на груди, а пришитый к материи по грани. Право молвить, накидка в отличие от основного одеяния имела еще более долгий подол, понизу и вовсе будучи сквозным, каковой самую толику колыхаясь, плыл следом за вещуном ласкаясь со ступенями лестницы.

Липоксай Ягы неспешно восходил к проему капища, а вслед за ним, ровно на две ступени позади синхронно подымались ведуны, каковые несли в руках цветы, мед, масло и вино. Площадь промеж того медлительного восшествия наполнялась людьми, большей частью теми кто просто пришел вознести славление своим Богам, но были и те кто оставлял обок чаш со священным огнем, где дежурили два волхва, дары.

Старший жрец вскоре достиг небольшого пяточка, полукругом завершающего лестницу, и, остановившись на нем низко, достаточно низко для себя, поклонился. Он еще чуть-чуть находился в столь неподвижно-замершем состоянии, склонив пред проемом голову, и точно ожидая разрешения войти вовнутрь, потом также неспешно, как проделывал и все дотоль,伸直ился и вступил в само помещение. В храме уже в восьми чашах ярко горел огонь, и подле стояли восемь жрецов, обряженных в голубые одежи, наподобие кахали, но только без накидки.

Стоило только вступить в капище Липоксай Ягы, жрецы немедля преклонили головы. Во время жреческих обрядов было все предельно выверено, будто от той слаженности, что-то зависело. Освещаемое лучами подымающегося солнца и лепестками пляшущего в чашах огня на стенах капища, кажется, оживали изображенные сцены... И с тем зримо затрепетали уста Богов, закивали удлинёнными головами белокожие альвы, яростно взмахнули мечами и молотами поросшие желтыми шевелюрами низкого росточка гомозули.

Липоксай Ягы подошел к золотой чаше, поместившийся в середине центральной постройки и остановился в двух шагах от нее, позадь него немедля сдержали поступь сопровождающие его ведуны, несущие в руках дары. Старший жрец, чье основное величание было вещун, видимо, в честь царицы белоглазых альвов Вещуны Мудрой, резко... на этот раз резко вздел вверх обе руки и громко, торжественно басисто молвил:

– Славу творите дарицы во всем Богам нашим Расам! О, Небо – Отец Богов воспеваем тебе славу! Ибо ты есть Старший Бог из рода Зиждителей и как извечный родник творишь зримое и незримое, созидая саму жизнь, начало ее движения и ее конец! О, Бог Небо!

Однако, Липоксай Ягы внезапно смолк, так как узрел, что на Золотой Чаше Даров, прежде под лучами, проникающими сквозь окна угловых построек и падающих прямо в недра ее, вызывая тем самым легохонькое, дымчатое сияние, разком заплясали крупные брызги полымя, будто и внутри, и снаружи зачинался огонь. Миг погода Чаша и впрямь ярко занялась огнем, на ней горели не только стены, запылала и сама стойка, ножки поддерживающие ее. Лучистый свет теперь иной, не посылаемый солнцем, а отбрасываемый всего-

навсе Чашей покрыв все пространство помещения. Он коснулся и впитался в сами стены, свод, окна, отчего неожиданно вроде как воспламенилось и само здание храма, и в том сияние во всех направлениях задвигались, заплясали ярчайшие, крупные искры, немедля опалившие лица, волосы и одежды жрецов.

Еще миг и пред Чашей едва обрисовался нависающий своей могучностью, туманный облик Бога. Обаче, при том явственно проступило его сухопарное, безбородое лицо с радужными очами, огнисто-красными губами, и даже надетое на него рдяного цвета укороченное сакхи. По лбу Зиждителя также зримой полосой проходила тончайшая золотая нить, униженная семью крупными, ромбической формы, желтыми алмазами, светозарно полыхающими.

– Падите ниц пред Зиждителем Огнем! – мощно дыхнул Рас и старший жрец, как и все иные его помощники, не мешкая повалились на колени и низко склонили головы. – Вещун Липоксай Ягы! – обратился Бог к старшему жрецу. – Это дочь моя, прими ее как великое благодеяние! Как небесный дар! Береги, люби и учи, абы вmale, по воле Отца Расов, Зиждителя Небо, она станет твоей преемницей!

Светозарные искорки враз выскочили из туманного образа Огня, точно кто-то их исторг не из самой божественной плоти, а ссыпал сверху, и полетели в лежащих на полу капища жрецов, опалив яркой своей горячностью, местами подпалив волосы и проделав дыры в одежах. Громоподобный грохот прокатился по храму и вырвавшись чрез дверной проем, по всему вероятно, наполнил всю площадь, Лесные поляны, а миг спустя и само раскинувшееся над градом голубое с объемными плывущими по нему бело-серыми пузырьчато-растянутыми облаками. Капище неожиданно тягостно вздрогнуло, сотряслись его стены, зазвенели стекла в окнах, а Золотая Чаша, подлетев ввысь почитай к самому своду, оторвавшись от удерживающих ее ножек, закружилась, выписывая спиралевидные виражи. Образ Огня уже пропал, и токмо густая, оранжевая дымка окутывала Чашу, и нежно поддерживая ее, как великую бесценность, трепетно несла вниз к оставленным там тонким восьми ножкам, переплетенным меж собой будто стволы деревьев. Неспешно округлое золотое днище коснулось загнутой подставки, и плотно войдя в нее, днесь уже вместе с ножками свершила круговое движение. И тотчас оранжевые испарения, плывущие над Чашей и под ней, скомковались, и впорхнули в вогнутую ее внутренность, немедля живописав облик маленькой девочки, лежащей на боку, с подогнутыми ножками, прижатыми к груди ручками и сомкнутыми очами. Обряженная в тонкое, белое сакхи, с распущенными длинными рыжими, вьющимися волосиками Лагода, как всегда была прелестна. На ее белой коже лица еще теплились махие искорки огня, оставленные от поцелуев не только Огня, но и Седми, принесших девочку на Землю. Такие же масенькие капли полымя струились по волосикам, одеянию, по стенкам Золотой Чаши.

Липоксай Ягы неспешно поднялся с колен, и, содеяв несколько робких шагов навстречу Чаше, с волнением воззрелся на божественного ребенка. Его и без того белое лицо и вовсе избелилось, растеряв всякие краски, присущие в целом человеческой коже. Он боязливо, словно страхась вспугнуть виденное чудо, простер правую руку в направление Чаши и вытянутым указательным перстом дотронулся до теплого лобика девочки. Лагода внезапно резко отворила веки, и, уставившись ярко-зелеными очами на старшего жреца, чуть слышно произнесла:

– Геде Огу?

Липоксай Ягы дотоль никогда не имеющий общения с детьми, поелику по традициям жреческой касты не обладал потомством, а в преемники брал ребенка из воспитательного дома обладающего определенными качествами и способностями, конечно же не понял, что молвило дитя Бога. Однако, он осознал, что ноне стал свидетелем того, что столетия до него ждали все жрецы, что хранилось в древних свитках записанных еще первыми людьми

со слов великих учителей белоглазых альвов, оных иноредь причисляли, как и гомозулей, к полубогам.

Вещун медленно так, чтобы не напугать девочку протянул к ней и левую руку, да нежно обхватив ее малюсенькое, хрупкое тельце вынул из Чаши. Липоксай Ягы поднял божественное чадо, как можно выше, и взгляделся в ее дивный образ. Широкие лучи солнца, пробивающиеся через стекла окон, теперь еще насыщенной осветили и само капище, и Лагоду отчего на ее лице вновь пробежали сверху вниз искорки сияния. А засим ярко вспыхнула округлым ореолом головка девочки, вроде обьятая смаглым дымком, отчего вещун немедля преклонился пред зримым, и на немного замер. Однако, уже в следующее мгновение он прижимал к своей груди ребенка, ощутив исходящую от него ни с чем, ни сравнимую теплоту, которая легким трепетом отозвался в теле старшего жреца, а на голове зараз шевельнулись волосы, будто жаждущие ершисто вздыбится.

Липоксай Ягы степенно развернулся, пронзительно зыркнув на все еще стоящих на коленях ведунов и негромко, чтоб не всполошить чадо, взволнованно оглядывающее досель неведомое место, молвил:

– Воздайте дары Богу Небо и Богу Огню! И живей там!

Жрецы, не мешкая вскочили на ноги, и подались в стороны, высвобождая тем самым проход для своего старшего, а когда последний прошествовал мимо них, приступили к возложению даров. Липоксай Ягы промеж того медлительной поступью, каковой было принято ходить не только в капище, но и вообще вещуну, направился к дверному проему. Вскоре он покинул храм, и, выйдя на пятачок, предстоящей обок лестницы, застыл, оглядывая площадь, днесь достаточно забитую людьми. По-видимому, от поляновцев не ускользнуло произошедшее в капище... ни полыхание стен, ни сотрясение здания, ни грохотание в почитай безоблачном небе. Народ, наполнивший площадь, только старший жрец вышел из капища, склонил головы. Тишина ноне пригнувшая головы людей казалась такой густой, что, верно, было можно расслышать и тихий стон, если б кто пожелал его исторгнуть.

Липоксай Ягы сызнава обхватил руками подмышки девочки, и, подняв ее вверх, и малость вперед, мощно изрек:

– Это божественное чадо ниспослано нам великим Богом Огнем, ибо есть его дочь, есть наш дар, наше благодаяние! Мы должны беречь и любить это чадо, оно как вmale дитя станет моей преемницей и по оставленным нашими предками знаниям принесет дарицам Золотые Благодатные Времена! Падите ниц пред божеством!

И немедля все люди запрудившие площадь по форме схожую с прямоугольником опустились на ровную гладкую, каменную мостовую на колени, тем самым признав в девочке Лагоде рожденное или принесенное, словом дареное им белым людям Божество.

Глава седьмая

«Огу», – немудрено, что девочка так назвала Бога Огня, оный последнее время все время находился подле нее. Когда Огнь узнал в дольной комнате хурула о предложении Першего, он, несмотря на просьбы Небо, сам направился за ребенком на маковку четвертой планеты. Рас не просто жаждал узреть старшего Димурга, он не менее сильно желал увидеть девочку и прикоснуться к Крушецу.

Дотоль Лагода довольно долго пробыла в кувшинке, и лишь после того как бесицы-трясавицы остались довольными ее состоянием здоровья, она узрела Димургов. К удивлению Зиждителей, девочка не испугалась их черной кожи, она на чуть-чуть, только Перший принял ее на руки, вошла в транс, а после, придя в себя, торопко зашептала: «Отец... Отец... Отец!» Так, что тому состоянию, кое явственно и вельми, как-то болезненно, проявляя Крушец всполошились не только Димурги, но и Трясца-не-всипуха присутствующая при встрече.

– Крушец, малецык мой милый, успокойся... успокойся, моя бесценность, – не менее спешно зашептал в лоб девочки Перший, приткнув к нему свои уста. – Что ты... что, мой любезный? Все хорошо, ты рядом... подле... подле нас... Днесь надобно правильно себя вести, а иначе ты сызнава захвораешь... Умиротворись, прошу тебя.

Судя по всему, лучицу удалось успокоить, аль вернее сказать урезонить. И хотя оттого напряжения Лагода потеряла сознание, погода, право молвить, придя в себя, при помощи мудрой Трясцы-не-всипухи. С тем, обаче, сама девочка перестала дрожать, шептать и дала возможность всем Димургам поздороваться с тем, что составляло ее естество. Всем Димургам, не только Вежды и Темрю, оные отбывали из Млечного Пути, не только Мору, какой после встречи направился в дольную комнату, но и Першему, Стыню кои оставались в Галактики Дажбы, чтобы продолжить соперничество за дорогим, бесценным всем Зиждителям Крушецом.

Огнь прибыл в залу маковки в сопровождение Седми, оно как Расы, как и Димурги, и поколь не появившиеся в Млечном Пути Атефы, имели право по Законам Бытия прикоснуться пред началом соперничества к новой плоти. В зале ноне, как любил Перший, было достаточно сумрачно. Густые полотна серо-стальных облаков устилали плотно свод, они, похоже, наполняли хмарью и сами зеркальные стены. Объемно-расползшиеся облака-кресла стояли посередине помещения, они однозначно имели значительно низкий ослон, словно перетекли в достаточно долгое сидение. На одном из трех таковых кресел сидел Перший, подле него прохаживался взад-вперед Стынь. Вероятно Димурги пред приходом Расов о чем-то толковали... о чем-то, что сильно огорчило Стыня и виделось в его, точно метаящихся движениях рук, в легкой зяби плывущего по лицу золотого сияния, недовольно вывернутых мясистых губах.

Войдя в залу через зеркальную стену первым, Огнь незамедлительно направился к креслу Першего, на ходу вельми по-теплому зыркнув на Стыня.

– Я пошел, – досада ноне ощущалась и в певучем басы младшего Димурга. – Принесу девочку.

Он, не мешкая, развернулся в сторону стены, из каковой теперь выступил Седми, да, торопко кивнув проходящему Огню, и вовсе стремительно покрыл расстояние меж собой и ней, несомненно, жаждая поскорей уйти из залы. Одначе, это ему не удалось, поелику его придержал за руку Седми, и нежно приобняв за шею, прикоснулся губами к очам.

– Малецык, давно не виделись, – мягко протянул Рас своим высоким, звонким тенором. – Так, рад тебе, моя драгость. Как себя чувствуешь?

– Здравствуй, Седми, все благополучно, – не менее трепетно отозвался Стынь целуя Раса в плечо прикрытое легкой материей красной рубахи.

Седми также, как и все Расы, был высоким, худым Богом, только в отличие от Огня не смотрелся изможденным, да и его бело-молочная кожа вельми ярко подсвечивалась золотым сиянием, общим признаком всех Зиждителей. У Седми очень красивым смотрелось, с прямыми границами и вроде квадратной линией челюстей, лицо. Пшеничные, прямые волосы, брада и усы, казались давеча коротко обстриженными. Вздернутый, с выпяченными ноздрями нос, говорил о нем как о своевольном Боге, а кораллово-красные губы с полной верхней и тонкой нижней явственно проступали, словно Седми прежде чем войти убрал с них все волоски. Замечательными смотрелись глаза Раса, со слегка приспущенными веками, по форме напоминающими треугольник, где радужки также имели вид треугольника, цвет каковых менялся от блекло-серого до мышастого. Порой радужная оболочка и вовсе становилась темно-мышастой, аль почти голубо-серой с синими брызгами по окоему, смотря по настроению Седми. Тонкие рдяные сандалии, красная рубаха, да серебристые шаровары были на Боге. А на голове Седми находился венец, в полной своей мощи и величии. Проходящая по лбу широкая мелко плетеная цепь, на которой, будто на пирамиде восседали такие же цепи, где, однако, каждое последующее звено было меньше в обхвате предыдущего, заканчивалось едва зримым овалом. Сияющий золото-огнистым светом венец, единожды перемещал по поверхности и вовсе рдяные капли искр. В левой мочке уха Бога ярко мерцали махими капельками бледно-синие сапфиры, усыпающие ее по всему окоему. Украшение оное Седми творил только, когда бывал у Димургов, тем самым символизируя свою общность с ними.

Стынь, еще раз, прикоснулся губами к плечу Седми, а тот ласково облобызал его висок и только после этого выпустил из объятий. Но, кажется, лишь затем, чтобы младший Димург мгновенно исчез в зеркальных стенах зала.

Седми с удивлением обозрел колыхание глади стен, ноне приобретших цвет серебра, и, сделав медлительный шаг вперед, молвил, вместо приветствия:

– Отец, что с малецыком Стынем? Отчего не остался с нами?

– Верно, оттого, мой любезный, Седми, – не мешкая отозвался Перший. – Что боится получить затычину по своей божественной голове от Огня.

Перший уже отстранился от пологого ослона кресла, и сейчас крепко прижимал к своей груди присевшего на краешек сидения Огня, видимо, утонувшего в руках своего Творца. Чуть слышно хмыкнул в объятиях старшего Димурга младший Рас, и весьма как-то глубоко вздохнул, словно только, что умиротворился любовью того, в ком достаточно сильно нуждался.

Огонь и Седми пробыли у Першего долго... И все то время Стынь по ранее озвученной старшим Димургом причине не появлялся в зале. Он принес спящую Лагодку только тогда, когда Расы собрались уходить и Перший его вызвал, объяснив свое отсутствие старшим Богам тем, что ожидал, когда ребенок забудется сном.

Лагодка пробыла в хуруле также немало времени, оно как Расы поздоровавшись с Крушецом, ожидали прибытия из дальней Галактики Копейщика Словуты и всех Атефов, посему и не возвращали ее на Землю. И весь этот срок девочка жила на космическом корабле, под присмотром обитающих там существ, в основном находясь в обществе Седми, Дажбы и Огня... Огня, который возвернув при помощи Седми Ладу на планету, должен был отбыть из Млечного Пути в сопровождении Дивного на его айване к Родителю. Понеже так повелел поступить Перший, вельми встревоженный столь мощной утомленностью малецыка.

Маленькая Лагодка вернувшись на Землю, оказалась дюже напугана, не столько незнымым и новым помещением капища, не столько неизвестным ей мужчиной, так разнившимся

с Богами, к коим она тянулась по причине общности ее естества, сколько количеством людей, которых увидела на площади. За свои недолгие лета Года лицезревшая всего-навсего трех женщин, знахаря, да сверстниц-девчушек к каковым ее иноредь водили поиграть вельми испугалась той огромной толпы, и громко закричала, принявшись звать сначала маму, затем все того же Огу. Однако, ныне жизнь Лагоды столь резко изменившаяся зовом и в целом предпочтением Крушеца, стала бесценной не просто для дарицев, а для самих Творцов систем, в многочисленных Галактиках составляющих Вселенную, величаемую Всевышний. Посему Липоксай Ягы заботливо прижав испуганно вздрагивающее тельце девочки к своей могучей груди, в сопровождении уже возложивших дары Богам жрецов, поспешил вниз с лестницы, желая как можно скорее прибыть в детинец и передать божество в руки тех, кто умел и знал, как надо справляться с расстроеными чадами.

Вещун, прибыв в свой дворец, незамедлительно вызвал из детинца болярина нянек, которые в должном количестве, ибо господа имели потомство, жили там. А дотоль как те явились, сумел отвлечь божественное чадо от слез и успокоить его, позволив играть снятыми со своих перстов двумя крупными золотыми перстнями с сапфиром и изумрудом. С тем одновременно отдав указание своим помощникам разослать в остальные шесть волостей к вещунам, возглавляющим данные местности, грады и поселения, весть о появлении в Лесных Полянах божества принесенного самим Богом Огнем.

Через три дня, после появления Лагоды в капище, в детинце старшего жреца, в центральном зале, предназначенном для торжественных приемов, собрались все вещуны. ЗлатЗал имел квадратную форму, а потолок в виде трех полусферических отдельных сводов, стыкуясь меж собой гранями, одновременно сходил в общий центр, поддерживаемый объемным в размахе столбом. Стены в ЗлатЗале были изукрашены дивной росписью. Сам, тройной свод орнаментирован фресками, каковые изображали Мировое Древо... Древо Жизни... Древо Родителя. Дерево, олицетворяющее собой единение прошлого, настоящего, грядущего, где корням уподоблялись предки, стволу нынешние поколения и кроной потомки. В данном случае это изображение соответствовало дубу. Могутное раскидистое дерево дуба считалось священным деревом у дарицев, оное берегли жрецы, ибо оно также уподоблялось Богу Воителю. По верованиям белых людей, где-то в сказочных космических пределах на том дубе Родителя росли молодильные яблоки дающие бессмертие, на нем созревали семена всех существующих деревьев, растений да жили предки зверей и птиц. Потому и дубравы, что высились на Земле, без позволения жрецов недолжно было не то, чтоб рубить, предосудительным считалось ломать ветви, ранить кору самих деревьев.

Широкие стрельчатые окна, украшенные нарядными золотыми, аль серебряными наличниками сверху были перевиты тонкими колосьями злаковых растений. Центральный столб, уснащенный резьбой, расписанный масляными красками, в неких местах покрытый золотыми листьями и крупным янтарем, находился как раз в середине залы. С десятков огромных трехъярусных, золотых люстр несли на себе множество свечей ярко освещающих помещение. Полированный бледно-красный, деревянный пол в оном вероятно враз отражались свечи, переливался почитай рыжим светом. Мощными, арочного вида, были украшенные резьбой двери, поместившиеся напротив трона старшего жреца. Это было небольшое сидалище с высоким ослоном, оббитое золотой парчой и увитое четырьмя вызолоченными колоннами, на макушке которых восседали золотые соколы, вроде бреющие в полете с раскрытыми крыльями и выставленными вперед лапами. Право молвить, трон в зале занимал не центральное положение, а стоял около стены, точнее даже в углу, диагонально двери и единожды меж двух окон. Справа и слева от того трона поместилось по три хоть и менее дорогих, однако достаточно роскошных сидалища, только без колонн и соколов, впрочем также инкрустированных золотом, устланных красным бархатом, с ослонами и широкими, резными облокотницами.

В этом ЗлатЗале торжественно провозглашался новый вещун замещающий почившего, в дальнейшем принимающий на себя главенство центральной части Дари. Обладающий правом, первым из шести остальных старших жрецов иметь слово и в вотировании по тому или иному вопросу наделенный двойным голосом. По закону оставленному Богами, как ошибочно считали дарицы, старшие жрецы не должны были иметь потомство. Впрочем, для удовлетворения своих физических нужд старшим жрецам разрешалось содержать двух наложниц, оные принимали особые снадобья, чтобы не зачинать от них. Остальные жрецы имели семьи и детей... Одначе, их дети лишались права идти по пути родителей, и были обязаны избрать для себя иное ремесло в жизни.

Будущих жрецов возвращали в воспитательных домах, куда попадали сироты и так называемые отказники, дети которых родители нарочно сдавали в такие учреждения, чтобы они могли принадлежать жреческой касте. Такой отказ нес в себе полное отречение чадо от семьи, и невозможность в дальнейшем родителям общаться со сданным ребенком. Несомненно в воспитательных домах большей частью проживали именно дети-отказники, потому как сирот, как таковых в Дари не имелось... Абы всегда у оставшегося без опеки старших ребенка оказывались сродники. В воспитательных домах в основном жили мальчики, так как лишь дитя мужского пола могло приобщиться к знаниям белоглазых альвов и стать со временем: вещуном, знахарем, ведуном, травником, кудесником, целителем, зелейником, гадальником, ворожеем, чаровником, а также колдуном, лекарем, ведьмаком, иль обладать еще несколькими менее значимыми статусами. Однако в тех домах жили и девочки. И в основном девочки-сироты, обучаясь определенным знаниям, они выходили из тех учреждениями повитухами, имея определенное величание «бабки». Из этой части также выбирались для старших жрецов наложницы, которые проживали в детинцах вещунов, в отдельных комнатах, не обладая никакими правами, однако, как и обязанностями, кроме той, чтобы ублажать того кому служили. Именно служили, поелику могли в любой момент покинуть дворец и уйти на «вольные хлеба».

Так как воспитательные дома были закрытыми заведениями, они напрямую подчинялись вещуну. Старший жрец выбирал себе преемника из детей сирот, и тут уже четко контролировалось, чтобы в число избранных не попал отказник. И лишь когда мальчику исполнилось пятнадцать лет. Потому ежелетно вещун объезжал воспитательные дома в поисках своего преемника. Таких домов в центральной волости было порядка пяти, с достаточно большим штатом наставников и учеников. Старший жрец искал ребенка с определенными способностями, как считалось чистой душой и возможностью видеть будущее. У Липоксай Ягы уже был на примете один мальчик, онго он желал взять себе в преемники, но на тот момент, когда Лагода, вернее, лучица подала зов, отроку едва исполнилось двенадцать лет, и он все еще проживал в воспитательном доме.

Липоксай Ягы и иные шесть вещунов, которые как старшие жрецы носили почетную приставку к имени Ягы, и соответственно величались Боримир Ягы, Вятшеслав Ягы, Дорогосил Ягы, Мирбудь Ягы, Сбыслав Ягы, Прибислав Ягы правили в граничащих с центральной волостью. Поляновская местность располагалась в середине Дари, ее очертания напоминали вытянутое яйцо, а рубежи стыковалась с каждой из соседних волостей называемых по основному граду: Повенецкая с центральным поселением Повенец, где властвовал Боримир Ягы; Овручская с градом Овруч, в управлении Сбыслав Ягы; Семжская с градом Семжа под командованием Мирбудь Ягы; Лепельская с градом Лепель под присмотром Прибислав Ягы; Сумская с градом Сумы, где распоряжался Дорогосил Ягы; и Наволоцкая с градом Наволоцк кою возглавлял Вятшеслав Ягы. Сумская и Наволоцкая волости граничили с Похвыстовскими горами, а за рубежами, супротивных им Овручской и частью Семжской, лежал мощный массив земель, где проживало варварское племя конников не имеющего как

такового государственного управления, градов и поселений, большей частью живущих набегами.

Старшие жрецы с соседних волостей были под стать Липоксай Ягы высокими, крепкими мужами только разных лет. Самыми старшими из них являлись Боримир Ягы и Сбыслав Ягы, сие смотрелись уже покрытые сединой мужи. Липоксай Ягы, Вятшеслав Ягы и Прибислав Ягы были одних лет, за ними ступали Мирбудь Ягы, и самый юный вещун двадцатипятилетний Дорогосил Ягы, во всем поддерживающий поляновского старшего жреца. В целом средь вещунов существовал стабильный мир, иначе, появлялись и противоречия, а следовательно и определенные группы, в частности две. В одну из них, ту каковую поддерживал Липоксай Ягы, входили Дорогосил Ягы, Боримир Ягы, Вятшеслав Ягы, потому если принять в счет, что поляновский вещун обладал двойным голосом в этой группе всегда оставалось большинство голосов.

Меж собой волости почти никогда не воевали, ибо всегда на совете жрецов решали все вопросы мирным путем. Тем не менее, под началом каждого вещуна находился войвода и достаточно мобильная рать, оно как в свое время дарицы вели ожесточенные войны с племенами, живущими подле них... Не людскими племенами, а такими как одноглазые орики и энжеи... Увы! и с энжеями, когда-то подарившими людям знания, скот, собак. Энжеев, одноглазых ориков и лопаств частью вывез с Земли Усач и Огнь, вместе с альвами, гомо-зулями и духами. Но некие семьи этих племен на Земле осели, не пожелав ее покидать, отчего в будущем и пострадали. Поплатились войнами с теми, кто стал днесь властителями не только природных ресурсов, животных, но и самой почвы. Если энжеи, где еще и жили, так лишь жалкими семьями, отдельными особями, каковые прятались в глубоких пещерах Похвыстовских гор, прикрывающих мощной стеной от ветра весь остальной материк.

Липоксай Ягы нынче обряженный в белое кахали, с серебряной в два пальца шириной цепью огибающей по коло голову восседал на своем троне в углу ЗлатЗалы. Остальные вещуны в таких же белых кахали, одеждах носимых только старшими жрецами, на мочках ушей каждого из коих висели на длинных золотых цепочках крупные белые алмазы и с более тонкими цепями на головах поместились на своих седалищах, согласно положению иль статусу волости.

– И, что теперь Липоксай Ягы станешь делать? – прохрипел сидящий по правую от него руку Боримир Ягы, утерев позолоченным рушником свой вечно потеющий большой лоб.

Липоксай Ягы только, что поведывавший прибывшим жрецам о божестве медленно повернул в сторону соратника голову и суетливо передернув плечами, молвил:

– Как что? Буду исполнять указания Бога Небо и Бога Огня. Воспитывать божество как своего преемника. А, ты, что предлагаешь Боримир Ягы послушаться Бога... Нарушить веление наших предков, записанные в золотых свитках, почитать рожденное божество как самих великих Расов?

– Просто мы все ожидали, – вступил в диалог узколицый Сбыслав Ягы и его вспять форме лица широкие губы искривились, явно живописуя недовольство. – Что божество будет мужского пола. Оно как преемником, вещуном, знахарем, кудесником, обобщенно жрецом может быть лишь муж.

– Мне интересно, – незамедлительно отозвался Дорогосил Ягы и качнул головой, отчего сразу заколыхались пшеничные, прямые его волосы, как и у иных вещунов, собранные в хвост. – И в каком месте золотого свитка, ты, Сбыслав Ягы это прочитал?.. Прочитал, что божество должно быть мужского пола? Я уверен никому из вещунов это не открылось... По всему вероятно один ты это узрел. Еще первый наш жрец и правитель Лесных Полян Рагоза Ягы, в честь которого назван центральный воспитательный дом, записавший о рождении божества, никоим образом не выделил его пол.

С тонкими чертами лица, алыми, точно нарисованными губами и орлиным контуром носа Дорогосил Ягы был очень красивым мужчиной. В его повадках, движениях мускулистых рук, губ, чувствовалась властность присущая сильным людям, а голубые глаза, еще один признак старших жрецов, смотрели всегда так изучающе, словно желая пробить, ощупать, подчинить себе человека. Дорогосил Ягы садился обок седовласого, круглолицего и самого грузного из всех вещунов, оно лишь по старости лет, Боримир Ягы и всегда... во всем поддерживал Липоксай Ягы, абы в тайне от всех, восхищался его мощью как вещуна и способностью во всем найти выгоду для своей волости.

Сбыслав Ягы разместившийся, как и допрежь того, слева от трона полянского жреца, скривил все лицо и дотоль не лицепрятно расчерченное глубокими морщинами.

– Не зачем, – миролюбиво произнес Липоксай Ягы, но только потому как за него явственно вступились, и легохонько улыбнулся Дорогосил Ягы. – Не зачем днесь друг друга подначивать, потому как свершившийся божественный промысел не подлежит обсуждению, так нам предписано оставленными заветами предков и их наставников. И раз Бог Огнь принес дочь... Значит, моим преемником будет девочка. Это надобно всем принять. Ну, а кто откажется, тот может прямо сейчас покинуть ЗлатЗалу и более тут не появляться. Поелику я не намерен нарушать волю моего Бога Небо, в честь одного и возведено в Лесных Полянах капище. – Липоксай Ягы медленно повернул в сторону Сбыслав Ягы голову, презрительно воззрился на него своими потемневшими почти до синевы очами и дополнил, – а ты... Ты, Сбыслав Ягы коли желаешь нарушить веление Бога, в честь которого в Овруче стоит капище... изволь.

Липоксай Ягы был прав, семь волостей не только имели собственных правителей, войска, несколько отличные, хотя и имеющих общую основу, языки, но и как бы особо поклонялись, выделяя из Расов одного Бога, в честь которого в столичном граде стояло капище. И если в Овруче храм стоял в честь Огня, то в Семже в честь Седми; в Лепеле в честь Дажбы; в Сумах в честь Воителя; в Наволоцке в честь Словуты; и в Повенце в честь Дивного.

– Чего вы на меня все возроптали? – в голосе Сбыслава Ягы нежданно проскользнула робость, понеже при всей своей несговорчивости он страшился нарушить волю Зиждителя. – Я же не сказал, что не подчинюсь указаниям Бога... просто...

– Ты просто усомнился в моих словах, – едко отозвался Липоксай Ягы и в очах его блеснули стылые огни раздражения. – Но я не собираюсь тебе, что-либо доказывать... Быть может тебе просто нравится во всем мне противостоять. Несомненно от того безлетного противодействия ты получаешь удовольствие.

Сбыслав Ягы резко хлопнул обеими ладонями по глади деревянных облокотниц, покато завершающихся, и не менее гневливо зыркнул на своего постоянного соперника, тем взглядом вроде желая его придушить.

– Все! будет вам, – проронил басистый Вятшеслав Ягы стараясь прекратить вновь нагнетающееся состояние, оным виновником всегда считался овруческий вещун. – Лучше покажи нам Липоксай Ягы божество.

Вятшеслав Ягы русоволосый и широколицый, всяк раз, когда говорил, купно сводил свои тонкие, дугообразные брови, отчего промеж них залегали широкие морщинки, тем самым делая его старше. У вещуна Наволоцкой области нос столь был загнутым по форме, что походил больше на клюв хищной птицы, иначе, узкие губы и миндалевидной формы голубые глаза придавали лицу мужественности и уверенности.

– Да, Липоксай Ягы, – поддержал наволоцкого вещуна Боримир Ягы, как и было всегда при встрече старших жрецов. Поводя островатыми перстами по бледным покрытым трещинками устам. – Будя спорить вам... Коли кто не желает видеть божество может покинуть ЗлатЗалу тотчас. А оставшиеся, жаждут посмотреть на чадло Бога Огня и твою преемницу Липоксай Ягы.

В зале наступила тишина и взгляды шестерых... ноне впервые шестерых вещунов воззрились на Сбыслав Ягы. Однако, тот торопко качнул головой, опасаясь идти зараз против всех жрецов, а быть может (ибо до конца не верил в божественную сущность девочки) даже против самого Зиждителя в храме онго служил.

Полянский старший жрец медленно вздел правую руку вверх и стоящий, то время бездвижно замерший, диагонально трону, ведун Таислав, немедля, ретиво испрямившись, торопливой поступью, направился к дверям. Таислав был еще достаточно молодым мужчиной, ему едва минуло двадцать два года, с белокурыми волнистыми длинными волосами, несколько уплощенным лицом, в целом не свойственной дарицам формы, впрочем, довольно-таки белокожий, он являл из себя, верно, также как Лагода, какую-то помесь... Поелику очи его хоть и имели светло-серые радужки, по форме смотрелись с несколько растянутыми уголками. Приплюснуто-широким был нос у ведуна и узкими, одначе, вельми выразительными алые губы. Невысокого росточка он в целом выглядел коренастым, словно по младости лет подвергался особым физическим упражнениям.

Исчезнув за одной из приоткрывшейся створкой дверей Таислав, кажется, оставил после себя плотную тишину. Нынче замерли все вещуны. Не только те каковые поддерживали Липоксай Ягы, но даже и те которые соблюдали нейтралитет, или как Прибислав Ягы, всегда голосующий как овруческий вещун. Это был темно-русый, с могутным ростом, широкой спиной и мышцастыми плечами старший жрец, на совете почасту отмалчивающийся.

– Что ты, Липоксай Ягы собираешься далее делать? Где поселишь божественное чадо? Как будешь обучать? – наконец, прервал царящее отишье самую малость о-кая Мирбудь Ягы, самый худой из вещунов с почти белокурыми волосами, белесой кожей лица, на котором поместился небольшой вздернутый нос, пухлые губы, и крупные голубые очи, тот самый старший жрец всегда выдерживающий нейтралитет.

У каждой волости Дари было свое особое наречие, можно молвить собственный язык, хотя и вельми родственный. Посему поляновцы без труда понимали повенецков, а те в свою очередь могли толковать также запросто с сумским людом. Однако в каждой волости сохранялся свой особый язык, его устная форма заложенная духами и письменная передача, преподаваемая белоглазыми альвами, так как когда-то задумал Дажба. Тем не менее в ЗлатЗале все старшие жрецы говорили лишь на наречие центральной части, оная почиталась особенно меж волостей и являлась, как думали дарицы, первоосновой всех языков.

– Это же божество, – немедля отозвался полянский вещун, меж тем неотступно глядящий на дверь. – Я не могу поселить ее в воспитательном доме. Бог Огнь велел беречь, любить и учить... А вы все сами прошедшие воспитательные дома знаете, что условия жизни в них достаточно суровы. Да и потом, знахари осмотрели божественное чадо и сказали, что оно хоть и здорово, но дюже хрупкое... Ему надобно создать особые условия взросления, питания, ухода... Так, что я решил весь третий этаж моего детинца выделить для божества. Нянек я уже взял у господина Благограда, поколь они ухаживают, а далее выделяю воспитателей из ведунов и волхвов, выпишу из учреждения... И конечно, сейчас назначу знахаря, чтобы неотрывно приглядывал за здоровьем чадо... В общем вот такие у меня замыслы. Обучению истинам вещунских знаний начну, как и заведено с пятнадцати лет... Хотя мне, кажется, раз это божество оно непременно проявит свои способности. Даже сейчас чадо так лучисто сияет. И густой, смаглый дымок окутывает все ее тело и особенно насыщенно голову.

Липоксай Ягы смолк, понеже узрел, как нежданно дрогнули обе, открывающиеся вовнутрь залы, створки дверей, и два жреца, младших чином, обряженные в желтые длинные и распашные книзу, с длинными рукавами одежи, из дюже плотной матери, величаемые жупаны, вошли в само помещение и застыли обок стен. А миг спустя в ЗлатЗалу вступил Таислав несущий на руках Лагodu, облаченную в шелковую рубашонку и теплую каратайку, сосредоточенно разглядывающую золотую, короткую цепочку с маханьким изу-

мрудом на конце, пристроенном на левой мочке уха ведуна, да ласковенько поглаживая его кончиком перста. Слегка приклонив голову, Таислав понес девочку прямо к трону Липоксай Ягы, оный незамедлительно, как и все остальные старшие жрецы, поднялся на ноги, чтобы стоя приветствовать божество, чего вещуны никогда не делали даже в отношении господ, считая себя с ними равными. Створки дверей, только Таислав вошел в залу, затворились, иначе, на этот раз ведуны, отворявшие их, остались в помещении, с тем похоже, слившись телами с его стенами.

– Поднеси ко мне божественное чадо Таислав, – умягчено произнес Липоксай Ягы и протянул навстречу девочке руки.

Лагода, узрев полянского вещуна, радостно ему улыбнулась. И так как за этот месяц, в котором куда-то исчезла мать и барыня, засим на долгое время появились удивительные существа и Боги, погода сменившиеся на этого мужчину весьма часто приходящего к ней в покои и подолгу играющего, целующего, и сама потянулась к нему. Отроковица не просто с желанием пошла к Липоксай Ягы, она разком обхватила своими тоненькими ручками его за шею и нежно поцеловала в щеку.

– Чадом как-то себя величает? – спросил заинтересовано Боримир Ягы и также как и иные старшие жрецы подступил к полянскому вещуну, ласково поглаживающему распущенные волосики дитя.

– Божество почти не разговаривает, – в голосе Липоксай Ягы чувствовалась возникшая в отношении ребенка отцовская теплота, которой он был лишен, согласно своего статуса. – Знахари и няньки сказали, чадом говорит очень мало слово... Вельми явственно мама, по-видимому свое величание Ладу, а также «Огу», «Дайба», «Семи», как можно предположить это явственно слышаться имена Зиждителей: Бога Огня, Бога Дажбы и Бога Седми... По поводу имени... В ближайшее время я собираюсь провести огненный обряд и даровать божеству новое имя и положенное ее статусу величание.

– Чадом очень худенькое, – тихо проронил Сбыслав Ягы и скривил свои уста, живописуя на них негодование так, что они у него набрякли в размере. – Кажется она не доедала и по внешним признакам очень похожа на господ... Быть может это и есть их дитя... И ты! Ты, Липоксай Ягы, что-то задумал? – овручский вещун прерывчато задышал, будто пред тем пробег дальний путь и весьма запыхался. – Я требую, как старший жрец капища Бога Огня, за дочь коего ты выдаешь это дитя, проведения исследования на близость крови данного ребенка с господином Благородом. – Сбыслав Ягы на морг стих. Его и без того белая кожа лица сейчас растеряла и последние крошки жизни... Губы побледнели и туго качнувшись, он досказал, – и старшим жрецом капища Бога Небо Липоксай Ягы.

– Что? – тяжело дыхнул полянский вещун и надрывисто сотрясся всем телом отчего, словно ощутив данное трепыхание, обидчиво всхлипнула, прижавшаяся к его груди Лагода.

И немедля, вслед за тем всхлипом божественного чадом, тягостно вздрогнули стены ЗлатЗалы, а в люстрах махом вспыхнули свечи. Дребезжание стекол заполнило своим звонким гулом помещение, и лучисто-огненный свет, отразившись от пола и свода, насытил всю залу такой яркой ядристостью, что все старшие жрецы, кроме Липоксай Ягы держащего на руках отроковицу сомкнули очи и преклонили головы.

Лагода и Липоксай Ягы меж тем покрылись легкой голубоватой дымкой, и позади них сызнова нарисовался едва зримый, дымчатый образ Бога Огня в полном своем величии и росте. Подобно возвышающейся мощной стеной сияния нависал Зиждитель и по облику его вниз и вверх метались искорки полымя, только не исторгнутые плотью, а вроде как осыпающиеся сверху.

– На колени! – голос Бога, как оглушающий гром наполнил помещение.

И тотчас все жрецы, уже отворившие очи повалились на колени, и даже Липоксай Ягы попытался то содеять, но его явно удержали за плечи, не позволяя склониться, ибо на руках он держал чадо.

Зиждитель мощно дыхнул и все искры... не только те, что струились по его коже, но и осыпавшиеся на пол устремились в направлении стоящих на коленях старших жрецов закидав той горячностью их волосы, одеяние, опалив кожу лица и рук.

– Как вы смее боягузы! – гневливо протянул Огнь, не размыкая уст, оно как дымчатый его образ не колыхал туманными губами. – Сомневаться в словах Липоксай Ягы, коему как бесценный дар я передал мое чадо... Божество, про которое записано вашими предками в золотых свитках?! Как смее колебаться... думствовать, когда вам принесено божественное чадо! Недостойные глупцы!

Дополнил и вовсе раздраженно Огнь, абы дотоль как прийти в ЗлатЗалу долго спорил с Небо по поводу своего отбытия из Млечного Пути к Родителю. И умиротворился лишь когда старший Рас, для разрешения того вопроса предложил призвать Першего, чьи распоряжения обобщенно и выполнял.

– Примите с благоговением посланный мною дар, – донес Огнь до склонившихся пред ним старших жрецов, а Седми для верности того понимания окатил их новой порцией жгучих огненных брызг. – И не забывайте никогда, что вы всего-навсего люди, а чадо – божество!

Лагода стоило заговорить Богу, самую малость отстранилась от плеча Липоксай Ягы, и, воззрившись на него, с нежностью улыбнулась, как старому знакомцу. А когда Огнь смолк, протянула в направление его руку, и, выставив ладошку, молвила:

– Огу, дай!

Зиждитель, не мешкая отвел гневливый взор от склоненных голов вещунов, ласково оглядел девочку, а засим приоткрыл рот и легохонько дыхнул. И тотчас большущий с кулак светозарный шар рдяного сияния неспешно поплыл в сторону длани Лады и медленно опустившись на ее махую поверхность в мгновение ока обернулся в лучистый, крупный желтый алмаз. Туманный образ, возвышающийся позадь Липоксай Ягы, также внезапно, как досель появился, пропал и тогда перестал покачивать стенами, сводом и полом зал. Застыли дребезжащие стекла в окнах, точно досель вторившие своим высоким пением гласу Огня, единожды махом потухли свечи в люстрах, испарилось сияние в помещении и само оно будто померкло. И немедля, своим нежным, детским голосом и впервые так четко молвила Лагода, показывая полянскому вещуну алмаз, лежащий на ладошке:

– Такое хочу Ксай, – и провела пальчиком по широкой, золотой, с множественными кольчатыми переплетениями, цепи пролегающей по шее вещуна, где в центре висел крупный оберег, символ самого Родителя, а вписанные в круг четыре загнутых луча венчались крупными белыми бриллиантами.

– О, божество! – тихонько, отозвался Липоксай Ягы. Только сейчас ощутивший, под влажной материей своего кахали, шибутно пробежавшие по коже спины вниз и вверх крупные мурашки. – Конечно... Все, что вы пожелаете.

Глава восьмая

– Прибудет один Небо? – спросил серебристо-нежным тенором Асил.

– Небо и Дивный, мой дорогой, – чуть слышно отозвался Перший и голос его в отношении брата, как было всегда прозвучал полубовно.

Боги сидели в зале, маковки четвертой планеты, с зеркальными стенами, достаточно низким, фиолетовым сводом, по которому, кучно толкаясь, кружили по коло ярко-голубые с зеленоватыми боками пухлые облака. Они тем медлительным хороводом и пульсирующими всплесками не только отражались в глади черного пола, но еще и отзывались перебивами света в самих стенах, наполняя помещение лазурной дымкой. Четыре серебристых кресла с мощными ослонами и пологими облокотниками, поместившиеся по кругу в центре залы, зрелись раскрашенными пятнами черного, зеленого, голубого и желтого цветов, иссеченными узкими углублениями, в каких воочью курились густые испарения, объемными рыхлостями и вдавленностями.

На двух из кресел стоящих супротив один другого поместились Перший и Асил. Старший Димург в голубоватом сакхи расчерченном полосами золотого света, перемешивающего внутри себя мельчайшее марево рдяного перелива, был ноне в венце, где в наверхие свернувшись в клуб и сомкнув очи, равно как и ее носитель, почивала черная с золотым отливом змея. Асил, также как и его старшие братья Перший и Небо, смотрелся худым и высоким, при том несколько сутулым. Смуглая, ближе к темной и одновременно отливающая желтизной изнутри, кожа подсвечивалась золотым сиянием. Потому она порой смотрелась насыщенно-желтой, а потом вспять становилась желтовато-коричневой. Уплощенное и единожды округлое лицо Зиждителя с широкими надбровными дугами, несильно нависающими над глазами, делали его если и не красивым, то весьма мужественным. Прямой, орлиный нос, с небольшой горбинкой и нависающим кончиком, широкие выступающие скулы и покаты подборода составляли основу лица, сразу обращая на себя внимание. Весьма узкий разрез глаз хоронил внутри удивительные по форме зрачки, имеющие вид вытянутого треугольника, занимающие почти две трети радужек, цвет которых был карий. Впрочем, и сами радужки были необычайными, або почаству меняли тональность. Они бледнели, и с тем обретали почти желтый цвет, заодно заполняя собой всю склеру, а погода наново темнея, одновременно уменьшались до размеров зрачка, приобретая вид треугольника. На лице Асила не имелось усов и бороды, потому четко просматривались узкие губы бледно-алого, али почитай кремового цвета. Черные, прямые и жесткие волосы справа были короткими, а слева собраны в тонкую, недлинную косу каковая пролежала, скрывая ухо до плеча Бога, переплетаясь там с зелеными тонкими волоконцами, унизанными крупными голубо-синими сапфирами. Бурое сакхи одетое на старшем Атефе смотрелось малость помятым, то ли вследствие таковых качеств материи, то ли все ж потому как в нем дотоль долго ходили, или лежали. Стопы Зиждителя, как и у Першего, были обуты в золотые сандалии с загнутым кверху носком, к подошве которых крепились белые ремешки, один из каковых начинался подле большого пальца и объединялся со вторым, охватывающим по кругу на три раза голень. На перстах правой руки Асила находились крупные перстни, увенчанные крупными фиолетово-красными рубинами. Замечательным смотрелся венец старшего Атефа, представляя из себя широкий платиновый обод, по кругу украшенный шестью шестиконечными звездами крепленными меж собой собственными кончиками. Единожды из остриев тех звезд вверх устремлялись прямые тончайшие дуги напоминающие изогнутые корни со множеством боковых, коротких ответвлений из белой платины. Они все сходились в единое наверхие и держали на себе платиновое деревце. На миниатюрных веточках которого колыхалась

малая листва и покачивались разноцветные и многообразные по форме плоды из драгоценных камней, точно живые так, что зрелся их полный рост от набухания почки до созревания.

– Асил, любезный мой, прошу, приглуши свет, – усталым голосом протянул Перший, и прислонил ко лбу длань, схоронив под ней и очи. – Стынь, малецык мой, как всегда перестарался, создавая идеальные условия для нашей встречи, посему несколько яркий свет и столько рыхлостей в креслах.

– Ты, плохо выглядишь, Отец, – беспокойно молвил старший Атеф, и, вздев вверх руку, провел ей справа налево, слегка уменьшая не только яркость кучных облаков, но и их скорый безудержный пляс по кругу. – Тебе надо отдохнуть.

– Да, мой дорогой, надобно, – благодушно поддержал брата Димург и легохонько изогнул свои полные губы, изображая тем улыбку. – Просто ушло много сил. Мор был занят в Ледном Голеце Круча, и на нас с Вежды свалилось слишком много пригляда за подвластными нам Галактиками.

– Ты же мог попросить помощи у меня или Небо, – волнение придавало возбужденному голосу Атефа, неприсущую хриплость, вроде он долгое время был лишен его, и прорезался тот всего-навсего давеча. – Разве можно так утомляться? Я мог тебе выделить в помощь Велета, тем паче малецык всегда рад пособить вам, ибо вельми привязан к Димургам.

– Возможно, я так и сделаю. И в ближайшее время, приму помощь Велета, – достаточно трепетно произнес Перший, и в его бас-баритоне зазвучала тончайшими переливами благодарность. Он неспешно убрал от лица руку, все также медлительно отворил очи и с нежностью посмотрел на брата. – Спасибо за заботу моя бесценность.

Долгое время не падающая признаков жизни змея, в наверхие венца Димурга, нежданно широко раззявила пасть, сверкнув загнутыми белыми клыками и выкинув из глубин пасти голубоватый раздвоенный язык, ощупала им пространство околот себя. Также стремительно по залу пронеслось, с тем отразившись от зеркальных стен, и ударив в тело Першего, протянутое на высокое ноте шипение. Змея энергично сомкнула пасть и замерла... и лишь немного погодя открыла очи, уставившись зелеными их огнями на Асила.

– Наконец, – озвучил шипение змеи старший Димург, – прибыли Небо и Дивный. Вероятно, долог был их путь, коль я с тобой, милый малецык, успел почитать обо всем потолковать.

Малой зябью пошла одна из зеркальных стен и из нее выступили по первому Небо, а следом Дивный оба в серебристых сакхи и в своих могутных венцах, в наверхие коих у первого находилась миниатюрная Солнечная система, а у иного золотой диск.

– Как долго, – недовольно отметил Асил, увидев отражение братьев в зеркальной стене напротив. – Сколько право можно тянуть... Мы уже вас тут ждали.

– Просто Дивный припозднился, – незамедлительно пробасил Небо и направился к креслу, что стояло слева от Першего, при этом нескрывая тревожно оглядев его лицо, почти лишенное положенного золотого сияния.

Дивный на малеша остановившись подле кресла Асила, оглядел его чудную пятнистую поверхность, изрытую углублениями и приправленную вздутиями и чуть зримо качнув головой, по теплomu молвил:

– Кто ж интересно сотворил такую невидаль?

– Стынь, – незамедлительно ответил Перший, и полубовно оглядел прибывших братьев, с особой нежностью воззрившись на самого младшего из их четверки. – Он все еще дитя... все ребячится, наш бесценный малецык.

– А я соглашусь с мнением Вежды, – Небо сказал ту молвь довольно сухо, поелику все еще был огорчен, намерен выслушанными упреками от старшего брата по поводу состояния Огня. – Стынь, как и Темряй, не просто ребячатся, а колобродничают.

– Это ты, так говоришь малецык из-за выпущенных с маковки в сторону Земли болидов, об оных сказывал Огнь? – спросил Димург и днес губы его и вовсе растерявшие алый цвет, слегка побуревшие живописали довольство. Старший Рас неспешно опустившись в кресло, резко кивнул. – Но поверь мне, драгоценный мой, я о том забыл тебе давеча сказать, – продолжил свою речь Перший и теперь ярко блеснули светом его темно-карие очи, где радужки полностью поглотили и без того тонкий оком желтовато-белой склеры. – Темряй, как оказалось был ни при чем, абы проказничал только Стынь... Малецыка, Темряя, на тот момент даже и не было на маковке, он управлял в соседних системах Аринье и Шуа-лине... И не доглядел за нашим озорником... Когда же получил предупреждение от Усача. Понеже Усач послал его не на маковку, как содеял Огнь, а направленно на Темряя, весьма тому ребячеству Стыня и собственному недогляду расстроился. И это хорошо, что жизнеутверждающий Стынь смог отвлечь нашего бесценного малецыка от тех неприятных мыслей. Однако, – Димург перевел взор на Дивного. – Я уже давно не виделся с моим любезным младшим братом... и коли он желает, хотел бы его поприветствовать.

Перший, днес оперся ладонями об облокотницы кресла, где разом утонули почти полностью перста в ершистых облачных скученностях, и медленно поднявшись с сидения, выпрямился. Он все также не торопко, оно как был весьма утомлен, протянул навстречу Дивному, единожды оторвавшиеся от локотников руки, тем самым жестом призывая к себе. И младший из четверки Богов незамедлительно ступил вперед, да торопко приблизившись к Димургу, прижался к его груди, тем самым совсем на немного став и впрямь таковым маханьким братом... точнее не братом, а как сказал бы человек братушкой. Дивный нежно прикоснулся лбом к плечу Першего, а последний крепко обвив его руками, нескрываясь полубовно дополнил, словно пред ним находился сын:

– Моя бесценность, так редко видимся... Я всегда так рад прижать тебя к себе, наш милый... любезный малецык.

Небо и Асил с не меньшим трепетом воззрились на обнявшихся братьев, и по лицам их, как и по фиолетовому своду залы, синхронно запульсировало сияние. Только по коже Богов золотое, а по своду в тон облакам голубо-зеленое.

– Ты, плохо выглядишь, Отец, – встревожено произнес Дивный, отстраняясь от старшего брата и заглядывая ему в лицо. – Я согласен с Небо, ты слишком утомлен... если не сказать более того.

– Не тревожься, мой милый, – отозвался Перший и легохонько качнулся взад... вперед, вроде ноги его обессилев уже и не держали. Дивный спешно приобнял брата за стан и бережно придерживая, усадил в кресло, при чем таращившая свои изумрудные очи змея в венце Димурга, весьма ярко ими блеснула, вроде гневаясь той заботе. – Все уладится... просто надобно время, – дополнил прерывистую молвь Перший, и, опершись об ослон спиной, тягостно задышал, не просто носом аль ртом, а поверхностью всей кожи.

Дивный еще малость постоял подле своего старшего, все с тем же беспокойством и участием оглядев не только его, но и змею в венце, а после развернувшись направился к своему креслу. Он, как всегда делали Расы, и вовсе медленно опустился на сидалище кресла, оперся спиной об ослон, положил руки на подлокотники и широко просиял, отчего взыгравшее на щеках золотое сияние выплеснулось на темно-русые усы, бороду длинную, спиралевидно закручивающуюся на концах в отдельные хвосты, придав ее отдельным волоскам лучистую коричневу.

– И сидеть на таких рыхлостях не больно удобно, – умягчено отметил Дивный. – А я понял... таковые пухлости драгость малецык сделал нарочно, чтобы мы долго у тебя Отец не задерживались.

Перший допрежь не сводивший взора с лица младшего брата, едва заметно качнул головой и не менее благодушно произнес:

– Стынь во всем ищет отрадность... И это вельми благостно, что он такой бодрый... При всем том, что относится к хрупким божествам, и так сильно хворал, может крепиться... Замечательное качество... Каковым увь! не обладают Темряй, Дажба и Круч, впрочем, как и Огнь... – Димург медленно перевел взор на Небо и теперь глянул более строго... нельзя сказать, что недовольно или раздраженно, скорее требовательней. – Коль мы о том заговорили... что за проблемы у вас возникли с Огнем?

– Не желает лететь к Родителю, как ты велел, – вставил в толкование Дивный, несомненно, желая отвести от старшего Раса возможную досаду Першего. – Но мы уже с ним все обсудили и утрясли.

– Небо, – голос Димурга прозвучал и вовсе оглушающе... Посему вздрогнули стены залы, и одновременно с тем на поверхности кружащих ноне лазурных облаков, в своде залы, набухли крупные капли воды только не прозрачной, как ей следовало быть, а темно-синей. И мгновенно в помещение стало пасмурно. – Я у тебя спрашивал... аль Дивного? Почему молчишь? Опять, вероятно, уступил малецыку?

– Нет, нет, Перший не уступил, – отозвался старший Рас и шибутно качнул головой, потому единожды махом в наверхие его венца порывчато вздрогнула Солнечная система, на доли секунд, словно прекратившая свое движение. – Предложил ему согласовать данный вопрос с тобой... И он немедля отказался от своих требований.

– Ты, сызнава... сызнава, мой милый, – тональность в голосе Першего то многожды повышался, то также резко снижалась, тем он не просто поучал младшего, но еще и ласкал, определенно, не желая огорчать. Трепетно, в такт звуку того разговора, колебалось бледное золотое мерцание на его коже, похоже, успокаивая и замершие в своде облака обсыпанные каплями воды. – Повторяешь уже пройденное с Седми... Не зачем в случае с Огнем потворствовать его желанием... нельзя уступать... и тем паче переориентировать все угловатые вопросы на согласование со мной. Надобно разрешать самому и как я тебя учу... Говори малецыку, что советую я... И тем тембром гласа, что озвучиваю я... Огнь, юный Бог, еще есть время его охладить и подчинить своей воле. Оно необходимо тебе, мой любезный, тебе и Дивному, вашей печище. Недопустимо, чтобы в вашей печище был еще один мятежный Бог, вам предостаточно иметь одного Седми. Тем более Огнь много нежнее Седми, более трепетно относится к тебе Небо. Он к тебе достаточно сильно привязан, так и пользуйся тем. Очень мягко в случае его не согласия указывай ему, что, не подчиняясь, он расстраивает тебя... огорчает, что вельми тягостно тобой переносится. – Перший прервался, давая той малой передышкой младшему брату усвоить его наставления... Наставления, кои, похоже, он делал не впервой, оно как змея в его венце широко раскрыв не только глаза, но и пасть, точно пес гневно оскалила в сторону старшего Раса свои белые клыки и конвульсивно задергала почитай багряным языком. – Однако, сейчас ежели Огнь упрямится, не дави. Я сам надо будет, отвезу его к Родителю. Сам разрешу эту проблему, днесь нельзя его расстраивать... Ибо он как видно не только не восстановился после творения Ледного Голеца, но и, очевидно, надорвался тут... Тут, когда был один, обок Темряя, чей выбор так и не пережил. Потому у них такие сложные взаимоотношения. Малецык Темряй все время ощущает предвзятость Огня, и вельми расстраивается тому обстоятельству. Вы с Дивным, тогда меня не послушали, не помогли принять Огню выбор Темряя, переключив все свое внимание по первому на соперничество за Стыня, а посем на Дажбу... Потому нынче нужно сделать все, нам старшим Богам, чтобы не страдали ни Огнь, ни Темряй. Покуда ж наметим отлет Огня к Родителю на ближайшие даши. Если малецык станет вновь капризничать отвезу я на векошке, чтобы побыстрей... А вы дотоль держите его подле себя иль в дольней комнате, абы все время находился под вашим наблюдением.

Оба Раса торопливо кивнули, их лица, особенно Небо, на которого демонстративно строго зарилась и скалилась змея, малость растеряли свое сияние, став недвижно окаме-

нелыми. Вроде Боги не просто слушали старшего брата, а собственной кожей впитывали его мудрую речь, оно как Димург помогал обоим печищам растить сынов, не только вмешиваясь в их воспитание, но и всяк раз направляя, поправляя действия Небо, Асила и Дивного. Смолкнув, Перший закрыл очи, судя по всему, утомившись от такового долгого толкования. И в зале наступило отишье... Оно окутало не только застывшие в креслах тела четверки Богов. Оно оплыло вокруг их живых венцов, затронув не только чешуйчатую кожу змеи, не только поверхность голубой дымки в каковой парила Солнечная система, не только гладь золотого диска, но и листочки, ветоньки, плоды и цветы в платиновом древе Атефа.

— А теперь по поводу лучицы, — наново принялся говорить Перший и голос его дрогнув, прозвучал столь мягко, будто он желал запеть. — Так как девочка, после встречи со всеми печищами вернулась на Землю... надобно пояснить, Асилу, об условиях каковые я поставил перед Небо, прежде чем передать ему дитя. И каковые, наш дорогой брат, согласился исполнить. — Димург на чуток прервался, и немедля досель глядящий на Дивного Асил перевел на него взор и весь как-то тягостно напрягся, точно ожидал, что его начнут вычитывать. — В этой жизни лучицы в соперничестве, — продолжил толкование Перший, все также подпевая себе тональностью голоса, стараясь тем умиротворить разволновавшегося старшего Атефа. — В соперничестве будут участвовать лишь младшие Боги: Стынь, Дажба, Круч под приглядом старших. — Перший медленно отворил очи, вероятно, почувствовав, как у сидящего напротив него Асила кожа лица стала насыщенно-желтой, або он разгневался. — Не надобно негодовать, мой дорогой малецык, умиротворись, — дополнил с расстановкой проговаривая слова Димург. — Умиротворись, ибо я не буду более толковать, ежели ты будешь гневаться.

Перший затих, а Асил туго задышав, резко вздел вверх голову и зыркнул на замершие в своде зелено-голубые облака, лишившиеся не только синевы капли, но и исторгаемой ими сумрачности. Еще миг и старший Атеф пульнул в те недвижные, кучные создания широкий луч бурого света, внахлест собранный из множества более тончайших, оный мгновенно притушил лазурь свода и погрузил залу в коричневую дымчатость.

— Слишком мрачно, мой милый, — умягчено протянул Димург.

И тотчас облака вразы вспыхнули болотными переливами, придав помещению какой-то погребально-подземный вид.

— Итак, моя бесценность, не лучше, — теперь Перший откликнулся нескрываяемо участливо, понеже его тревожило, что Асил не мог... не умел справлять со своим негодованием. Посему старший Димург немного подался вперед и властно, обаче, дюже трепетно воззрился во вскинутый вверх покатым подбородок младшего брата, тем самым опуская его вниз... А вместе с ним и в целом всю голову, таким побытом, чтобы поблекшие желтые очи Асила усталились в нежданно приобретенные черное марево сияния глаза Першего. Старший Атеф какое-то время неотрывно, вроде замороженный, смотрел в парящее марево очей брата, а после глубоко вздохнув, поднял выпсрь правую руку и легким ее мановением вернул облакам первоначальный голубо-зеленый свет, приглушенный, как и просил Перший.

— Хорошо, — отметил благодушно старший Димург и принял исходную позу, опершись спиной об ослон кресла. — Теперь, когда ты умиротворился, продолжим. Итак... условия мои были следующими. Под началом старших Богов: меня, Небо и тебя, мой любезный Асил, младшие по достижению девочкой двадцати лет вступают в соперничество... Не понимаю, почему, малецык ты так распалился? Во-первых, я думаю о сынах, у каковых будет возможность узнать, что такое лучица и как надобно за нее соперничать. Это полезно всем малецыкам, не только Стыню, Дажбе, но и, конечно, нашей крохе Кручу, поелику узнав, как сияет лучица, он не пропустит ее рождения в следующие разы... С ним не произойдет случившегося со Стынем и Дажбой... И что они, оба, не только малецык Дажба, но и Стынь тягостно переживали... Понеже Стынь обрета божественность к Дажбе не прикасался, так как на тот

момент занедужил, и пришлось его лечить... вельми долго... Потом также долго наш милый малецык восстанавливался. Когда же он мог познать, что такое лучица и был готов вступить в соперничество за Круча, ему не дали того сделать... Впрочем, как и Дажбе, возможно потому, бесценный малецык, так тяжело пережил смерть первой плоти нашей новой лучицы.

Лико Асила досель порой жаждущее сызнава принять насыщенно-желтый цвет и с тем полностью пожрать смуглость кожи только Перший стал сказывать про Круча изменилось. Всякая досада мгновенно покинула его, кожа вновь стала смуглой, ближе к темной, подсвечиваемой золотыми переливами, на ней расправилась каждая черточка, и единожды появилось виноватое выражение. Атеф сначала беспокойно оглядел старшего брата, потом также тревожно зыркнул в сторону молчащего Небо. Ноне весьма внимательно внемлющего словам Першего, при том, как почасту старший Рас делал, легохонько поглаживающего золотые завитки бороды у себя на груди.

— Ну, раз, мой любезный Асил, ты вновь стал спокойным, — протянул Димург, от которого однозначно не ускользнул виноватый его взгляд. — Тогда добавлю следующее. — Перший на миг стих, достаточно плотно воззрился в лоб брата, пробив тем взгляд не только платиновый обод, но точно и саму голову старшего Атефа насквозь, по-видимому, прощупывая его, а засим слегка сдвинув свои вздернутые кверху брови так, что переносицу избородила тонкая извилистая морщинка, продолжил, — к двадцатилетию плоти бесицы-трясавицы осмотрят состояние лучицы, и ежели все будет благополучно приступим к соперничеству... А дотоль Круч, как и Дажба, и Стынь могут приходить к девочке, помогать, общаться, подсказывать, оберегать. Только не назойливо... не часто... Все должно быть в меру, чтобы сейчас появилась сопричастность меж лучицей и плотью, каковая бы вылилась в становление крепких связей с мозгом. После двадцатилетия вступаем в соперничество... И тут замыслы ваши, исполнение сынов. Однако, в связи с тем, что Круч еще совсем дитя, тебе Асил разрешается брать исполнение особо трудного аль волнительного на себя, чтобы не испугать малецыка и не надорвать. Стыня и Дажбу это не касается. Малецыки, как более старшие, должны поступать и творить все сами. Хотя еще раз оговорюсь... Небо! Асил! малецыки вельми хрупкие, еще совсем чада, быть всегда подле, почасту прощупывать, ежели, что-то не вышло, в том повинны вы... Малецыки сделали все правильно, ошиблись вы. Небо, Асил слышите?! — Господь особенно выделил последнее слово и оглядел закивавших братьев. — Сыны не могут поколь ошибаться, сие ваши просчеты, ваши неверные замыслы... Так вы должны говорить, успокаивать, поддерживать... Небо по поводу Дажбы. Мы с ним надысь толковали, когда он приходил с Седми. Так он, как я понял, боится общения с девочкой, ибо не уверен в себе. Он тебе или Дивному о том говорил?

— Нет, — протяжно откликнулся Небо и тотчас перестав холить свою бороду, огорченно уставился на Першего, расчертив оттого свой высокий лоб двумя едва зримыми бороздками. — Не говорил, а тебе Дивный? — младший из четверки Богов резко качнул головой и единожды с тем блеснул золотым сиянием диск в наверхие венца, свершив малый оборот вокруг своей оси.

— Вот видишь, — трепетно протянул Перший, явно расстроившись, что Дажба смог открыть ему то, что таит от Отцов. — Ты слишком много требуешь, Небо, потому Дажба страшится тебя подвести... огорчить. Ну, сколько, в самом деле, можно раз повторять одно и то же... Внимательней. Нужно быть внимательней... участливей... таковая хрупкость, драгоценность в ваших руках, а вы сызнава грубо, властно, требовательно... Но с Дажбой так нельзя, он несколько иной, чем Седми... Малецык вырастет не мятежным, а вспять subtilным, неуверенным в себе... А нынче поговорите с ним оба... оба... и ты, Небо, и ты, Дивный. — Авторитарность голоса старшего Димурга мгновенно увеличилась, и словно придала своей мощью головы всех троих братьев. Определенно, Перший обладал властью над братьями. И не просто умел их прощупывать, он умел ими повелевать, хотя тем пользовался

дуюе редко. – Дажба должен быть уверен в себе. Уверен, что все его действия правильны. – Перший неторопко глянул на Небо, потом на Дивного, и, узрев их согласие, перевел взгляд на Асила. – Теперь по поводу Круча, – вновь заговорил он, будто сверля темно-коричневым сиянием своих очей, теперь, похоже, сглотнувшем и черный зрачок лица старшего Атефа. – Почему ты, Асил, до сих пор не привел ко мне Круча, я итак его давно не видел. Да, и Седми, сказывал, что малецык чем-то вельми опечален. Так опечален, что не стал с ним толковать оногдась... Что с ним случилось?

– Проблемы при создание ойкоса, – не менее встревожено отозвался Асил, судя по всему, расстроенный и тем, что опечален Круч, и тем, что о том стало известно Першему. Вероятно, оттого его серебристо-нежный тенор, дрогнув, вроде потух на последнем слове... и немедля затрепетало золотое сияние кожи, будто на него кто-то рывком дунул, желая затушить.

Старший Димург сразу увидел и услышал, трепетание сияния и тенора брата, потому притушил и звук своего голоса, убрав с него всякую властность, оставив там одну теплоту, и мягкость. Он слегка растянул уголки своего широкого рта, самую толику тем улыбнувшись, и добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.